

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИКЪ ЗАПЯДНО ЕВРОПЕЙСКОЙ ЕПАРХІИ

Le Messager de l'Église Russe à l'étranger

12, rue Daru
PARIS - 8^e

1936 г.

Typegraphie de J. Best.

Свято-Троицкій Александро-Невскій храмъ въ Парижѣ

(Снимокъ 1861 года)

Свято-Троицкій Александро-Невскій Храмъ въ Парижѣ.

(Къ 75-лѣтію освященія его: 30 аві. 1861 — 30 аві. 1936).

I.

Краткая исторія Русской Православной церкви въ Парижѣ до половины
19-го столѣтія*).

До послѣдняго времени русскія православныя церкви и приходы за границей, въ огромномъ большинствѣ, состояли при Императорскихъ посольствахъ и миссіяхъ. Это имѣло большое преимущество въ смыслѣ огражденія нашихъ храмовъ и служащихъ при немъ въ отношеніи политическомъ и частью экономическомъ, но иногда было и невыгодно въ смыслѣ слишкомъ большой зависимости нашихъ приходовъ отъ нашихъ дипломатическихъ представителей, изъ которыхъ немало было и неправославныхъ.

Русскія церкви за границей были, можно сказать, домовыми церквами при посланцахъ и посланникахъ, и если въ каноническомъ отношеніи наши заграничные приходы всегда находились въ составѣ С.-Петербургской Митрополіи, то фактически они тѣснѣе связаны были съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, чѣмъ съ духовною властью, и назначеніе и увольненіе священниковъ, не говоря уже о клирикахъ, зависѣло чаще отъ

дипломатическихъ представителей.

Другою особенностью заграничной церковной жизни было то, что какъ духовныя, такъ и гражданскія власти долгое время, — по крайней мѣрѣ, до половины 19 в., — недостаточно принимали во вниманіе важное значеніе нашихъ заграничныхъ церквей, какъ передовыхъ постовъ Православія и нерѣдко посыпали за границу священно- и церковнослужителей неподходящихъ и даже недостойныхъ, недостаточно обезпечивая ихъ, къ тому же, и въ материальномъ стояніи. Лѣтописи заграничныхъ церквей изобилуютъ свѣдѣніями о слишкомъ частыхъ передвиженіяхъ служащихъ съ мѣста на мѣсто, жалобами на дурное поведеніе ихъ и жалобами самихъ служащихъ на крайне тяжелые условія существованія.

Начало русской православной церкви во Франціи, — и именно въ Парижѣ, — надо отнести къ первой половинѣ 18 столѣтія. Правда, дипломатическая сношенія между Россіей и Францией начались, по крайней мѣрѣ, на 100 лѣтъ раньше, сразу по окончаніи Смутного времени, но до начала 18 в. наши представители не жили во Франціи, а лишь наѣзжали для выполнения возлагаемыхъ на нихъ порученій. И только импер. Петръ Великий установилъ тамъ свое постоянн-

*) Составлено по даннымъ Синодального Архива, собраннымъ прот. А. П. Мальцевымъ и опубликованнымъ въ его книгѣ «Православная церкви и русская учрежденія за границей» СПБ. 1906 г.

ное представительство. Первый резидентъ россійскій при французскомъ дворѣ, баронъ Шлейнишъ, былъ не-православный и въ православномъ священникѣ не нуждался, а второй, князь В. Л. Долгорукій, пробылъ въ Парижѣ лишь весьма короткое время. И только подъ 1727 годомъ въ «Описиіи дѣлъ и документовъ архива Свят. Синода» упоминается священникъ Даніїль Яковлевъ, какъ состоявшиій при полномочномъ послѣ, князѣ Куракинѣ, и отпущеній отъ него «съ добрымъ свидѣтельствомъ». Въ 1740 г. посолъ кн. А. Д. Кантемиръ просилъ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ выслать походную церковь и назначить къ нему священника «въ школьному учениіи достаточнаго и въ житіи трезвеннаго, и въ состояніи благонескунаго, и въ обхожденіяхъ яко въ иностранномъ государствѣ непостыднаго; да двухъ причетниковъ изъ Московскихъ латинскихъ школъ молодыхъ людей, въ чтеніи и пѣніи и голосахъ достаточныхъ, которые бы тамо будучи не токмо при церкви должностъ свою отправляли, но безъ всякихъ лѣнотныхъ прогулокъ учились бы латинскаго и французскаго языковъ и со временемъ годились бы къ службѣ Ея Императорскаго Величества». Коллегія назначила священнику 300 рублей въ годъ жалованья и прогоны, — «какъ и прочимъ священникамъ, въ таковыхъ знатныхъ мѣстахъ обрѣтлющимся». Св. Синодъ за священникомъ обратился въ Москву, но оттуда семейные соглашались Ѳхать въ Парижъ при жалованіи лишь въ 600 р., а причетники по 150 р. въ годъ; тогда обратились къ вдовымъ священникамъ. Въ іюнѣ 1741 г. и были назначены въ Парижъ: священникъ Бѣлоградской епархіи Андрей Григорьевичъ Геневскій, 29 лѣтъ, и два церковника — студенты Московской Славяно-Греко-

Латинской Академіи Федоръ Ушаковъ и Александръ Стакиевъ, съ жалованьемъ по 50 р. въ годъ. Что касается походной церкви, то ее нужно было требовать отъ Военной Коллегіи, потому что въ вѣдомствѣ Св. Синода та-кай церкви не имѣлось; когда церковь будетъ устроена, тогда изъ Св. Синода будетъ данъ антиминсъ.

Такимъ образомъ, цѣлыхъ три вѣдомства привлечены были къ устройству первой русской православной церкви въ Парижѣ. Но, несмотря на это, а, можетъ быть, именно по этой причинѣ дѣло подвигалось плохо. Во первыхъ «за неудобствомъ пути» зимою, отъѣздѣ былъ отложенъ до весны будущаго года, а пока прибывшіе изъ Москвы въ С. Петербургъ священники и церковники откомандированы были къ приходской церкви при Александро - Невскомъ монастырѣ, съ наказомъ студентамъ не проводить времени въ праздности, но «чинить подтвержденіе въ наукахъ», чтобы не забыть, чemu учились. Намѣстникъ монастыря, іеромонахъ Досифей, по-нялъ этотъ указъ иначе и заставляя ихъ Ѳздить на озеро для ловли рыбы, разметывать песокъ предъ кельями и пр.. а когда они отказывались отъ не-привычныхъ работъ, то прекращаль имъ пищу. Въ концѣ 1742 г. причтъ былъ отправленъ моремъ до г. Руана, а отъ Руана до Парижа на лошадяхъ. Денегъ имѣ на дорогу было выдано священнику 100 р., а церковникамъ по 50 р., но этихъ денегъ не хватило, и въ г. Донкеркѣ они должны были слѣдить заемъ у одного купца. Ни антиминса, ни походной церкви съ ними не было послано, и кн. Кантемира обѣ ихъ прибытии никто не извѣстилъ. Ему пришлось дать всѣмъ троимъ помѣщеніе у себя, а церковниковъ одѣть и прибавить жалованія. Но, подождавъ мѣсяца два-три указовъ о походной церкви, и не полу-

чая ничего, онъ находился «въ немаломъ сумнѣніи» и священнику въ квартире отказалъ. Послѣдній нѣсколько разъ обращался въ Синодъ, прося антиминса, св. сосудовъ, одѣждъ и богослужебныхъ книгъ, потому что безъ всего этого службы отправлять не можно и тамошнее пребываніе его бесплодно». Въ мартѣ 1743 г. Св. Синодъ вовсе отказался оть посылки во Францію церковной утвари, предоставивъ все дѣло Коллогіи. Въ апрѣль священникъ писалъ, что ему приходится жить по грязнымъ, самымъ послѣднѣйшимъ пансіонамъ, гдѣ только «бѣднѣйше ради пропитанія живутъ ребятишки», и то нужно платить 200 р. (при жалованьи всего въ 300 р.!) Долги росли. Церкви и антиминса все еще не было. Кантемиръ пересталъ даже принимать священника и въ февралѣ 1744 г. вѣльмъ ему возвращаться въ Россію, и онъ уже началъ хлопотать о прогонахъ. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этого Кантемиръ опасно заболѣлъ и просилъ о Геневскаго его исповѣдать, но причащаться запасными Дарами не хотѣлъ, потому что имѣлъ въ нихъ «нѣкое сумнительство». Онъ просилъ государственноаго вице - канцлера графа А. П. Бестужева похлопотать о высылкѣ изъ Св. Синода въ крайней скорости антиминса, всю же утварь церковную велѣлъ сдѣлать на свой собственный счетъ. Но болѣзнь не ждала, и кн. Кантемиръ, въ присутствіи секретарей посольства, просилъ о Геневскаго освятить въ домѣ его церковь во имя Св. Пророка Иоанна Предтечи, отслужить литургію безъ антиминса, обѣщаючись принести отвѣтъ и оправданіе за это предъ Св. Синодомъ. Священникъ долго отказывался, но видя, что католики начали предлагать Кантемиру свои услуги, — освятилъ церковь и со дня Св. Пасхи (25 мар-

та) отслужилъ шесть литургій безъ антиминса, на одномъ изъ иконъ. Князь, пріобщенный за одной изъ литургій, скончался. Священникъ же, запечатавъ насконо устроенную церковь, самъ донесъ Св. Синоду о своемъ преступлѣніи, а Св. Синодъ судъ надъ нимъ отложилъ до его возвращенія въ Россію. При этомъ намѣчено было три пункта для решения: а) «о церкви, что она освящена безъ антиминса», б) «о поѣхѣ, какой спитиміи за то подлежить», и в) «о требованіи попомъ въ тое церковь книги».

Вотъ при какихъ сложныхъ и въ высшей степени печальныхъ условіяхъ совершилась первая попытка устройства русской православной церкви въ Парижѣ. Къ сожалѣнію, не удалось отыскать никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, какая судьба постигла новоустроенную княземъ Кантемиромъ въ Парижѣ церковь, посланъ ли былъ когда-либо для нея антиминсъ, состоялся ли судъ надъ о Геневскимъ и каково было рѣшеніе суда.

Значительное улучшеніе въ церковномъ вопросѣ послѣдовало во второй половинѣ 18 вѣка. Между Россіей, Франціей и Австріей былъ подписанъ въ 1757 г. союзъ, направленный противъ Пруссаго короля Фридриха II наканунѣ семилѣтней войны. По этому случаю во Францію отправляется «изнатное посольство», а при немъ рѣшено отправить и церковь съ причтомъ. Особая Конференція при Дворѣ Ея Величества извѣшиваетъ Св. Синодъ отъ 12 авг. 1756 г.: «Св. Синодъ изъ многократныхъ представлений Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ усмотрѣлъ, конечно, что находящіеся при министрахъ въ чужеземныхъ странахъ священники и церковники производимы имъ жалованьемъ почти никогда содержать себѣ не мо-

гуть, да и отправляемыя для служения о́към церкви всегда чéго-нибудь нужнаго изъ утвари или изъ книгъ лишаются, или же и совсéмъ ветхія бывають, и вслѣдствіе этого при отправляемомъ нынѣ знатномъ и отличномъ посольствѣ, по именному Ея Импер. Величества повелѣнію, церковь со священнослужителями должна соответствовать знатности посольства: все касающееся до церкви должно быть устроено вновь, утварь должна быть серебряная, ризы изъ богатой дорогой парчи, причть долженъ состоять изъ лицъ, которыхъ бы, кроме прекрасныхъ нравственныхъ качествъ, отличались образованiemъ и знаніями (особенно латинского языка). Жалованье священнику назначалось 600 р., да прогоновъ 500, и церковникамъ по 200 р., да прогоновъ по 250 р. каждому. По заказу Св. Синода синодальнымъ мастеромъ Миною Колокольниковымъ исполненъ былъ иконостасъ на голубомъ атласѣ самыми лучшими съ золотомъ красками, шириной въ 9 аршинъ и вышиною въ 5 1/2 аршинъ. Богослужебныя книги лучшей печати въ богатыхъ золотыхъ переплетахъ; евангелие — въ массивномъ серебряномъ окладѣ и въ переплѣтѣ изъ оливковаго бархата. Утварь и ризница отличались также роскошью. Для отправленія службы былъ назначенъ іеромонахъ Александро - Невскаго монастыря Ioасафъ (Шестаковский). Въ церковники были сначала определены даровитые и образованные: Кириллъ Флоринский и Ioаннъ Миловичъ, оба изъ Киевской Дух. Академіи, а первый обучался еще въ Император. Академіи Наукъ.

Въ началѣ марта 1757 года походная церковь, во имя свв. первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, сооруженная на синодальныя средст-

ва (за 2,265 р. 18 коп. со всѣми принадлежностями), была готова. «Ко исправленію же въ той походной церкви священнодѣйствія антиминсы вновь по напечатаніи на бѣломъ атласѣ въ здѣшней Академіи аппробированою доскою для освященія порученъ преосвящ. Сильвестру». 19 марта Св. Синодъ опредѣлилъ: «воспоминаемую вновь устроенную походную церковь со всему ризницу и утварю и прочею принадлежностию и со означенными освященными антиминсомъ, отдавъ въ содержаніе по именному реестру іеромонаху Ioасафу Шестаковскому съ роспискою отослать при томъ и оного іеромонаха и церковниковъ въ Коллегію иностранныхъ дѣль, при указѣ, сообща при немъ съ того реестра всѣмъ тѣмъ вещамъ съ показаніемъ употребленной на оное число денежной суммы копію». Постановлено также выдать жалованье на полгода: «отъ нынѣ по сентябрь мѣсяцъ 1757 г.» — іеромонаху 300 р. и церковникамъ по 100 р. каждому, и на дорогу первому 600 р. и другимъ 400 р., а всего 1500 р. «отъ синодального расходу изъ наличной штатной суммы на счетъ собираемыхъ имѣющихъся въ Москвѣ канцеляріи синодального экономического управления въ дачу на подмогу полковымъ попамъ гривенныхъ денегъ», деньги отпустить Коллегіи иностранныхъ дѣль.

Такимъ образомъ, повидимому, все было наложено и препятствій къ немедленному отѣздѣ въ Парижъ назначенныхъ лицъ и къ устройству тамъ регулярной церковной жизни не предвидѣлось. Въ дѣйствительности, къ сожалѣнію, произошли обстоятельства, затормозившія дѣло. Во первыхъ, іеромонахъ Ioасафъ, узнавъ, что въ Парижъ церковниками назначены люди ученые, 9 апрѣля заявилъ Св. Синоду, что бѣхать съ ними не со-

гласень, и рекомендовалъ, вмѣсто нихъ, своего брата, Петра Шестаковскаго, и двоихъ изъ семинарии, Тимофея Чермскаго и Александра Ямского съ жалованьемъ — Шестаковскому 600 р., а на прочихъ вмѣстѣ 400 р. въ годъ. Св. Синодъ уступилъ просьбѣ іеромонаха, и въ юлѣ 1757 г. причть съ церковью отправился изъ Петербурга моремъ. Во вторыхъ, по дорогѣ случилось несчастіе: не доѣзжая до гор. Руана, на пути изъ Голландіи, путники подверглись нападенію корсеровъ — англійскихъ морскихъ разбойниковъ. Это несчастіе, въ соединеніи, вѣроятно, съ тоской по родинѣ и роднымъ, сильно отразилось на здоровье прибывшихъ въ Парижъ. Въ 1759 г. послъ графъ Бестужевъ-Рюминъ писалъ, что іеромонахъ «получилъ немалую хипохондрію» и у него усилились припадки, потому что онъ и безъ того — «зѣло меланхолического сложенія», службы онъ отправлять не можетъ, исаломщики «съ гласовъ спали», а церковникъ Петръ Шестаковскій обвинялся еще въ «зѣло негодныхъ поступкахъ». Прося взять ихъ въ Россію, Бестужевъ просилъ прислать священника, потому что «за недостаткомъ постынъ яствъ» іеромонаху здѣсь трудно жить. Причть была отозванъ, но послѣдняя просьба посла не была уважена, такъ какъ въ 1760 г. въ Парижъ назначень былъ вновь іеромонахъ, именно учитель Новгородской семинарии Кириллъ (Флоринскій, впослѣдствіи архим. Новоторжскій и съ 1768 г. епископъ Сѣвскій), а съ нимъ два церковника изъ семинаристовъ, Петръ Границкій и Григорій Заворицкій, да еще прислужникъ Зиновій Черневскій. Относительно о. Флоринскаго посланникъ графъ П. Г. Чернышевъ писалъ, что онъ «жалованьемъ недоволенъ, гордъ, трубъ и дерзокъ, съ церковниками заводить распри» и т. п., а другой по-

сланникъ, князь А. Голицынъ, наоборотъ, далъ о немъ прекрасный отзывъ. О. Флоринскій оставался въ Парижѣ до 1764 г. Онъ, между прочимъ, жаловался, что походная церковь въ Парижѣ не имѣть опредѣленного помѣщенія, а по мѣрѣ надобности переносится изъ дома въ домъ; по неудобству помѣщеній, а иногда и по недостатку времени, церковь устраивается на скорую руку: иконостасъ никогда почти не поставляется, а только двѣ — три иконы и царскія врата; комнаты, въ которыхъ церковь устраивается, по большей части такъ малы, что не вмѣщаются даже русскихъ, живущихъ въ Парижѣ; обѣ иностранцахъ же, очень интересующихся православнымъ богослуженіемъ, и говорить нечего. Жить причту приходится вдали отъ церкви, и въ этомъ — большое неудобство, потому что по дорогѣ въ церковь легко подвергнуться оскорблѣніямъ: идешь безъ креста, — называютъ жидомъ или туркой, а если съ крестомъ, то греческимъ или россійскимъ архіереемъ титулуютъ, катеру же нанимать дорого, — въ одну сторону стоить полтина. Въ виду изложенного о. Флоринскій просилъ обѣ отпускѣ 300 р. въ годъ на наемъ помѣщенія для церкви.

Къ сожалѣнію, преемникъ о. Флоринскаго іеромонахъ Св. Троїцкой Сергіевской Лавры Гервасій, не повторялъ требованій, предъявленныхъ его предшественникомъ, и денегъ на церковь отпущенено не было. Въ 1767 г. на мѣсто умершаго въ этомъ году о. Гервасія, переведенъ былъ въ Парижъ свящ. Симеонъ Матфіевъ, который въ 1781 г. по Высочайшему указу перемѣщенъ былъ въ С.-Петербургскій Преображенскій соборъ съ производствомъ въ протоіереи и члены Св. Синода. Черезъ два года (1783 г.) въ Парижъ въ священники былъ

произведенъ студентъ Киевской Академіи, учитель Черниговской училищной Коллегіи, Павелъ Васильевичъ Криницкій, получившій при отправлениі крестъ. По своему крутому и суровому нраву, онъ часто скорилъ съ дьячкомъ Зиновіемъ Черневскимъ; они оба жаловались другъ на друга въ Св. Синодъ, гдѣ болѣе поддерживали Черневскаго, и о. Криницкій въ 1791 г. просилъ о перемѣщеніи его изъ Парижа. Назначенный въ Парижъ въ священники учитель Александро - Невской Духовной Семинаріи, Никита Дмитрій Максимовъ, прибыль къ мѣсту своего служенія чуть ли не наканунѣ революціи и долженъ былъ, вѣроятно, вскорѣ вмѣстѣ съ другими покинуть Францію: 8 февраля 1793 г. импер. Екатерина II подписала указъ о прекращеніи всякихъ сношеній съ Франціей. Только черезъ 10 лѣтъ назначается въ Парижъ іеромонахъ Веніаминъ, но и это назначеніе оказалось лишь на бумагѣ, такъ какъ «за неимѣніемъ путевого продовольствія» о. Веніаминъ, бывшій до того въ Мадридѣ, не поѣхалъ въ Парижъ, а два церковника, назначенные одновременно съ нимъ изъ Россіи, Гаэриловъ и Лавровскій, вскорѣ должны были вернуться въ Россію «по причинѣ уничтоженія того поста», какъ сообщалось въ отношеніи Коллегіи Иностр. Дѣлъ. На мѣсто о. Веніамина предположено было послать въ Парижъ священника Рождественской (на Пескахъ) церкви, Никиты Ясновскаго; но Коллегія отвѣтила, что «нынѣ къ отправленію туда священника надобности она еще не имѣтъ».

Только въ 1807 г. Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ было сообщено о Высочайшемъ повелѣніи относительно учрежденія православной церкви при Парижской миссіи, въ составѣ

которой должны были войти: священникъ съ жалов. въ 1500 р., два церквника, пять пѣвчихъ съ жалов. по 300 р. каждому и уставщикъ съ жалов. въ 400 р. въ годъ. Въ священники назначены проф. С. Петерб. Дух. Академіи Ioannъ Бедринскій, съ производствомъ въ протоіереи; въ церковники — студенты Академіи ІІегловъ и Князевъ, уставщикомъ — Афанасьевъ и пѣвчими: Слѣдковъ, Гудневъ, Ярославцевъ и Бѣлорусовъ. (Въ 1808 г. Государемъ Императоремъ пожертвованы въ Парижскую церковь три полныхъ протоіерейскія облаченія и одежды на престолъ, жертвенникъ и аналой и стихари для псаломщиковъ). Но въ 1812 г. вся миссія возвратилась въ Россію.

По окончаніи Отечественной войны, 12 февраля 1816 г., послѣдоваль Высочайший указъ: «сознавъ за нужное учредить вновь церковь греко-рѣссійскаго исповѣданія при миссіи Нашей въ Парижѣ, повелѣваемъ отправить туда, по избранию Св. Синода, священнослужителя съ двумя пѣвчими и однимъ псаломщикомъ, опредѣливъ жалованья: священнику 1500 р., пѣвчимъ и псаломщику по 400 р. и на церковные расходы 1000 р. въ годъ, выдавъ также на проѣздъ священнику 1000 р., а пѣвчимъ и псаломщику годовые ихъ оклады». Отправлены были въ Парижъ: священникъ С. Петербургской Покровской Коломенской церкви Ioannъ Краснотѣвцевъ, съ производствомъ въ протоіереи, пѣвчій Путиловскій и дьячки Вишняковъ и Муравьевъ. Но уже въ 1818 г., по Высочайшему повелѣнію, о. Краснотѣвцевъ былъ отозванъ изъ Парижа, и на его мѣсто былъ назначенъ протоіерей церкви при Медико - Хирургической Академіи Ioannъ Лавровъ. Судьба этого священника была весьма странная. Началь онъ свое 16-лѣтнее служеніе

при Парижской церкви блестяще. «Въ воздаяніе отличного служенія, начальствомъ засвидѣтельствованнаго», онъ награждѣнъ въ 1823 г. орденомъ Св. Анны 2-й степ., въ 1829 года — наперстнымъ крестомъ съ алмазами, въ 1832 году — крестомъ, украшеннымъ брилліантами. Кт. сожалѣнію, судя по сохранившейся офиціальной перепискѣ, его дѣятельность крайне затрудняется вслѣдствіе неудачнаго подбора сослуживцевъ. Особенно съ 1830 г. жизнь псаломщиковъ и пѣвчихъ сплошь отмѣчается «дурнымъ поведеніемъ». Въ этомъ году за дурное поведеніе высланъ въ Россію пѣвчій Алексѣевъ, и состоялось постановленіе Св. Синода: избирать псаломщиковъ а) съ потребными качествами и хорошаго поведенія и б) преимущественно холостыхъ, или же и женатыхъ, но не имѣющихъ родственниковъ (п. ч. проѣздъ и жизнь съ родственниками за границей невозможны при ограниченности содержанія). На мѣсто Алексѣева назначенъ придворный пѣвчій Филологовъ, но уже въ слѣдующемъ году и онъ былъ высланъ въ Россію, «какъ совратившися съ пути нравственности и обязанностей, единственно по молодости и неопытности», причемъ прот. Лавровъ доносилъ, что Филологовъ «связался съ бѣглыми русскими солдатами, которые для своихъ выгодъ открыли ему всѣ пути къ порокамъ и внушили ему превратныя понятія и ложныя сужденія». Въ 1832 г. на мѣсто Филологова былъ отправленъ пономарь Миролюбовъ, «превзшедший въ злодѣяяхъ своего предшественника». Въ слѣдующемъ году Миролюбовъ вмѣстѣ со своими товарищами, Горанскимъ и Прозоровымъ «за преступное поведеніе» немедленно были высланы въ Россію (между прочимъ, они въ сообщест-

вѣ нѣкоего Голубева, ловкаго плута, бѣжалшаго нѣкогда съ русской службѣ, подѣвали лотерейный билетъ на выигрышъ въ 21,788 фр. 75 с.), а богослуженіе въ Парижѣ прекращено до приѣзда новыхъ лицъ. Но и изъ вновь прибывшихъ не все оказались достойными. Такъ, Пруденскій, уволенный со службы и получившій паспортъ и деньги для возвращенія въ Россію, остался въ Парижѣ, и посланникъ отозвался о немъ, что «по распутному поведенію П. не стоить сожалѣнія», а Св. Синодъ въ мартѣ 1841 г. постановилъ: «но развратному поведенію Пруденскаго, оставить всякое домогательство къ возвращенію его въ отчество».

Въ 1834 г. прот. И. Лавровъ уволенъ былъ со службы съ пенсіей въ 750 г. Въ качествѣ причины ухода его указано было разстроенное здоровье. Но пробылъ въ Россіи до 1841 г., онъ въ этомъ году, выхлопотавъ отъ С.-Петербург. военного генераль-губернатора паспортъ и безъ вѣдома духовнаго начальства, уѣхалъ снова въ Парижъ. На многократныя требования Св. Синода возвратиться въ Россію онъ отвѣчалъ, что тяжкая болѣзнь не позволяетъ ему означить время, когда именно онъ можетъ оставить Парижъ. Повѣренный въ дѣлахъ при нашемъ посольствѣ, Н. Д. Киселевъ, сообщая объ этомъ, прибавлялъ, что «повидимому прот. Лавровъ не имѣть вовсе намѣренія возвратиться въ Россію». Такъ продолжалось до 1848 г., когда посланникъ графъ Орловъ секретно доносилъ, что «прот. Лавровъ ведеть жизнь самую безнравственную и питая республиканская идеи, выражаетъ ненависть не только къ Россіи и къ Государю Императору, но даже и къ самой религіи, которой онъ былъ служителемъ. Когда же произошла революція въ Парижѣ, Лавровъ

сь другими русскими изгнаниками находился въ числѣ лицъ Польской депутаціи, которая представлялась временному правительству Франціи съ поздравлениемъ и изъявляла готовность составить для національной гвардіи отдѣльный легіонъ, и вообще образъ его мыслей и связи не соответствуютъ его сану и лѣтамъ, такъ что онъ рѣшился, повидимому, остаться за границей навсегда». 10 сент. 1848 г. онъ былъ лишенъ сана и изверженъ изъ духовнаго званія, а дѣло о его поступкахъ передано въ Министерство Иностр. дѣлъ. О. Лавровъ оставался въ Парижѣ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1857 г. Вотъ что писалъ о послѣднихъ дняхъ его жизни прот. И. Васильевъ: «Въ началѣ ноября скончался Иванъ Степановъ Лавровъ, служившій протоиे-

реемъ при нашей церкви въ Парижѣ и лишенный священаго сана за непокорность и удаленіе отъ Церкви и отечества. Во время его болѣзни я пытался два раза узнать о расположении его сердца и напутствовать его въ другую жизнь. Лавровъ не хотѣлъ видѣть меня, отказался отъ всякой помощи и молитвъ, сдѣлавъ распоряженіе везти его трупъ прямо на кладбище, что и сдѣлано при распоряженіи комиссара полиціи. Такъ непокорный и заблудшій въ жизни окончилъ ее ожесточеніемъ при смерти. Странно!.. Но онъ предъ судомъ Божіимъ! Къ счастію, смерть Лаврова не была никѣмъ замѣчена и описана.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Протоіерей Н. Сахаровъ.

Свято-Троицкій Александро-Невскій Храмъ въ Парижѣ

(къ 75-лѣтію освященія его : 30 авг. 1861 г. — 30 авг. 1936 г.)

(Продолжение).

II.

Исторія сооруженія русскаго храма въ Парижѣ.

Мы видѣли, что уже въ 60-хъ годахъ 18-го столѣтія настоятель русской церкви въ Парижѣ, іеромонахъ Кириллъ Флоринскій, доносилъ въ Св. Синодъ о необходимости постройки въ Парижѣ храма, но просьба его не встрѣтила поддержки. Къ половинѣ 19-го столѣтія число нашихъ соотечественниковъ въ Парижѣ возрасло въ значительной степени, и тѣсное помѣщеніе, занимаемое для церкви, явно не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ помолиться, — тѣмъ болѣе, что, кромѣ русскихъ, въ нашу церковь шли и другіе православные. Нужда въ храмѣ сознавалась все болѣе и болѣе. Къ сожалѣнію, частію обстоятельства политическая, экономическая и пр. не благопріятствовали осуществленію этого добра го дѣла, частію не находилось способного и энергичнаго человѣка, который взялъ бы на себя инициативу и всѣ хлопоты по веденію дѣла. Протоіерей Д. С. Вершининскій^{*}), который былъ назначенъ въ

1835 г. настоятелемъ церкви вмѣсто о. Лаврова, столь печально окончившаго свою жизнь, былъ несомнѣнно, человѣкъ выдающійся и за 14 лѣтъ своего служенія немало и успѣшно потрудившійся для своей паствы и Православія на чужбинѣ, но это былъ скорѣе профессоръ, ученый, чѣмъ практическій церковный дѣятель; къ тому же отличался весьма слабымъ здоровьемъ, что и заставило его въ 1849 г. просить обѣ увольненіи за штатъ и возвратиться въ Россію.

Честь и слава сооруженія Свято-Троицкаго Александро-Невскаго храма въ Парижѣ принадлежитъ всецѣло помощнику о. Вершинскаго, а затѣмъ и преемнику его по настоятельству, протоіерью И. В. Васильеву.

Іосифъ Васильевичъ Васильевъ родился въ 1821 г. въ с. Стрѣлецъ Елецкаго уѣзда, где отецъ его былъ священникомъ; учился онъ въ Орловской семинаріи и Петербургской Духовной академіи, которую окончилъ въ 1845 г. первымъ магистромъ. Въ 1846 году 9 мая рукоположенъ во священники и назначенъ вторымъ священникомъ въ Парижѣ, а по выходѣ въ отставку о. Вершинскаго — настоятелемъ. Въ 1867 г. по Высочайшему повелѣнію, было опредѣленъ предсѣдателемъ Учрежденаго Комитета при Св. Синодѣ; скончался 27 дек. 1881 г. и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Можно сказать, съ первого же дня прибытія въ Парижъ о. Іосифъ начинаетъ развивать свою энергичную и плодотворную дѣятельность, продолжавшуюся непрерывно въ теченіе всего, болѣе 20-лѣтняго, пребыванія его въ Парижѣ. Сохранилась переписка

*) Димитрій Степановичъ Вершининскій родился 14 ноября 1798 г., воспитывался въ Тверской семинаріи, а высшее образованіе получилъ въ Петерб. Дух. академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1825 г. 1-мъ магистромъ, оставленъ при академіи бакалавромъ философскихъ наукъ; съ 1830 г. — ординарный профессоръ по классу истории философіи; въ 1835 г. — настоятель посольской церкви въ Парижѣ, въ 1849 г. по болѣзни уволился за штатъ, переселился въ Петербургъ и здѣсь 9 ноября 1858 г. скончался и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Его научные труды — см. Правосл. Богосл. Энциклопедія, томъ III.

его за все это время съ выдающимися церковными дѣятелями въ Россіи, и по этой перепискѣ можно прослѣдить, какъ шла, все болѣе и болѣе расширяясь и углубляясь, его церковная работа, развивающаяся, главнымъ образомъ, въ трехъ направленіяхъ: пастырская дѣятельность, защита Православія противъ воинствующаго католичества и отчасти протестантства и заботы о построеніи и укращеніи храма.

Какъ пастырь, о. Іосифъ выдѣлялся не только своею любовью къ благолѣпному богослуженію и талантомъ проповѣдника, но и заботами о нуждахъ пасомыхъ въ храмѣ: онъ ревностно посѣщалъ всѣхъ, кто нуждался въ его совѣтѣ и помощи, собирая у себя прихожанъ для бесѣды, ходатайствовалъ о соотечественникахъ передъ мѣстными властями, боролся съ денационализацией подрастающаго поколенія и пр. Вотъ что пишетъ о его пастырской дѣятельности издатель его писемъ, Л. Бродскій: «Съ необычайнымъ усердіемъ и умѣньемъ занимался о. Іосифъ просвѣщеніемъ русскаго юношества, всегда во множествѣ проживавшаго въ Парижѣ. Поддерживая связь съ высшимъ Парижскимъ обществомъ и представителями русской аристократіи за границей, онъ въ тоже время оставался самымъ доступнымъ человѣкомъ для всякаго бѣдняка. Русские, жившіе въ Парижѣ, хорошо знали, что у прот. Васильева находили не только нравственную, но, по мѣрѣ срѣдствъ, и материальную поддержку всѣ нуждающіеся соотечественникій. Во времена Крымской войны о. Іосифъ оставался единственнымъ представителемъ Россіи во враждебномъ намъ государствѣ. Посѣщая военнопленныхъ, больныхъ и раненыхъ, томившихся на чужбинѣ среди враговъ, ободряя ихъ надеждою на лучшее будущее, помогая материально и

предстательствуя предъ франц. правительствомъ о ихъ нуждахъ, о. В. много облегчалъ тяжесть плѣна. Добрый, довѣрчивый, хлѣбосоль, отзывчивый на всякое горе, нужду и бѣду, надѣленный разнообразными талантами духа, прот. В. всю свою жизнь употреблялъ ихъ на высокое служеніе вѣрѣ и Церкви Православной»... (Парижскія письма прот. И. В. Васильева, Петроградъ, 1915 г.).

Въ области апологетики о. Іосифъ старался, главнымъ образомъ, ознакомить заграничную публику съ нашею Церковью, ея догмами, обрядами и учрежденіями и разсѣять тѣ ложныя представленія и слухи о Россіи и русской Церкви, которая тогда были очень распространены на Западѣ. Для этого онъ перевелъ на франц. языкъ наши молитвы, богослуженіе, цѣлый рядъ сочиненій нашихъ духовныхъ писателей, основавъ въ сотрудничествѣ съ о. Гетте и П. Сушковымъ журналъ — «*L'Union Chrétienne*», входилъ въ частыя сношенія съ богословами Франціи, Англіи, Германіи и Америки и т. д. Вотъ какъ охарактеризовалъ дѣятельность о. Іосифа въ этой области одинъ греческий профессоръ (Ф. Вріенній) въ своей рѣчи на торжественномъ собраниі 25 сент. 1862 г., въ присутствіи Константина патріарха: ...«Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что, между лицами, достойнымъ образомъ представляющими нашу Церковь посреди панизма, одинъ изъ отличнейшихъ есть ученый и достопочтенный прот. Васильевъ. Здѣсь нѣть ни одного человека, которой бы не читалъ статей этого протоіерея, который бы, прочитавъ, не одобрилъ ихъ, который бы, одобравъ ихъ, не удивился автору. Полемическія статьи его дѣлаютъ величайшую честь нашей Церкви: благородство, скромность, деликатность выражения, духъ любви христіанской,

крутость, справедливость и точность, — все эти качества, съ которыми эта славный богословъ Православной Церкви выступилъ на арену, составляютъ характеристическая черты его таланта. Перо о. Васильева омочено не въ черныя чернила страсти и фанатизма, но въ высокій умъ, въ свѣтъ благороднаго и чистаго духа... Плодомъ неутомимыхъ трудовъ о. Васильева въ области апологетики и, въ частности въ вопросѣ о соединеніи Церквей явилось обращеніе въ Православіе ученыхъ представителей инославныхъ вѣроисповѣданій, каковы аббатъ Гетте^{*)} (Гвербекъ, Біерингъ и др.

Но болѣе всего прославился о. Іосифъ своими заботами о построеніи храма. Мысль обѣ этомъ явилась у него, вѣроятно, сразу же по прибытіи въ Парижъ, такъ какъ его не могъ не поразить и не опечалить убогій видъ маленькой домовой церковки въ углу кѣ посольского дома. Уже въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ К. С.

^{*)} Гетте Рене Франсуа, бывшій римско-католіческій священникъ, принадлежавшій къ ордену іезуитовъ, род. въ Блоа (во Франціи) въ 1816 г. За сочиненіе «Истуаръ де л-Эглизъ де Франсь» подвергся преслѣдованію ультрамонтанъ, а его книга занесена была въ 1852 г. въ «Індексъ запрещенныхъ книгъ». Въ своемъ журналь «Обсерватэръ Католикъ» онъ признавалъ за институтомъ папской власти лишь историческое значеніе (и притомъ возникшее лишь въ 9 вѣкѣ). Въ 1861 г. присоединился къ Православной Церкви, сохранивъ санъ священника. За сочиненіе «Схизматическое папство» и др. удостоенъ Московской Дух. академіей степени доктора богословія; съ 1875 г. принялъ русское подданство, завѣщавъ похоронить свои останки въ Россіи, о чёмъ, однако, никто не позабылся, и о. Владиміръ, скончавшійся 75-ти лѣтъ 10 марта 1892 г., похоронился на Батиньольскомъ кладбищѣ въ Парижѣ. Объ ученыхъ трудахъ его см. Православная Богословская Энциклопедія, т. 4.

Сербиновичу, директору канцеляріи оберъ - прокурора Св. Синода, 5 сент. 1846 г. онъ скорбѣть обѣ этомъ убожествѣ и жалуется, между прочимъ, на то, что ему приходится жить вдали отъ церкви, что «препятствуетъ ближе знакомиться съ прихожанами, которые за всѣмъ обращаются къ церковному дому». Къ сожалѣнію, мечты о. Іосифа на первыхъ порахъ оставались поистинѣ. «глазомъ волющаго въ пустыни», не находя поддержки ни въ послѣдствіи, ни даже въ о. настоятеля. О послѣднемъ онъ выражается въ письмѣ отъ 12 янв. 1847 г. по поводу несостоявшагося перевода о. Вершинскаго въ Гаагу: «я очень радъ этому и за него, и за себя; жаль только, что о. протоіерей не раздѣляетъ во многомъ моихъ мыслей; впрочемъ это не препятствуетъ добрымъ напініямъ отношеніямъ». Однако недостатокъчувствія не охладилъ энергіи о. Іосифа. Въ этомъ отношеніи весьма интересно письмо его къ К. С. Сербиновичу отъ 24 июня (6 июля) 1847 года: ...«О большей части пребывающихъ въ Парижѣ русскихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ надо сказать, что вѣра и благочестіе ихъ не только не ослабѣваютъ за границею, но еще укрѣпляются, по крайней мѣрѣ, выражаются съ большей силою. Каждое воскресеніе и каждый праздникъ наша церковь бываетъ наполнена богомольцами, которые возносятъ свои молитвы въ тишинѣ и благоговѣніи; послѣ обѣдни часто просятъ отслужить молебны, панихиды и пр., нерѣдко приглашаются для службъ церковныхъ и въ дому, чѣмъ прекрасно поддерживается и питается семейное благочестіе. Кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней, большая часть недѣли бываютъ заняты служеніемъ литургій по частнымъ просьбамъ. Великимъ постомъ на 1-й, 4-й, 6-й и 7-й недѣляхъ была служба каждый день,

въ прочія недѣли три раза: въ среду, пятокъ и воскресенье; исповѣдниковъ и причастниковъ было человѣкъ 200 съ избыткомъ. Вообще служба Парижской православной церкви не уступить ни по многочисленности, ни по благолѣпію доброй въ Россіи приходской церкви. Одного недостаетъ для полноты благолѣпія, — обширнаго и благоукрашенного храма: всѣ мои заботы по сему предмету пока не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: причины тому а) въ томъ, что о. протоіерей не считаетъ построенія церкви въ Парижѣ ни нужнымъ, ни возможнымъ; а дѣйствовать отдельно отъ него и непріятно, и незаконно; б) посольство неохотно слушаетъ мысль и планъ объ устроеніи церкви и отказываетъ не только въ содѣйствіи, но и покровительствѣ, считая это дѣло до него не касающимся и соблазнительнымъ въ то время, когда многие кричатъ о насилии распросраненіи Российской Церкви. Оно предлагаетъ построить ломъ и въ немъ устроить престорную и благоукрашенную церковь, на побоїще нашей Почтамтской. Первое затрудненіе встрѣчается при покупкѣ земли для постройки, — на чье имя она можетъ быть куплена, если посольство не возьметъ это на себѣ? На имя общества православныхъ въ Парижѣ? Но это общество не составляетъ ничего пѣлааго и постояннаго. На имя священника, вѣдь сдѣлалъ английскій епископъ Люскомбъ, который такимъ образомъ на добродѣтное подаяніе построилъ церковь въ Парижѣ? Но это поставляетъ священника въ сношенія съ полиціею и заставляетъ его продать церковь при своемъ отѣздѣ къ соблазну другихъ, по примѣру Люскомба. Второе препятствіе: кто займется устрѣйствомъ церкви? Третье: голодная и беспокойная чернь можетъ

разрушить работу. Сіи и подобныя возраженія были представлены нѣкоторыми противъ всеобщаго желанія русскихъ построить церковь въ Парижѣ. Но всѣ они не только не сильны остановить предпріятія, но и заставить въ немъ усомниться. Ходность посольства, какъ легко можно видѣть, зависитъ отъ минимой неѣрности предпріятія по отношенію къ средствамъ: но настоящій годъ могъ легко показать неѣрность этого мнѣнія, ибо онъ предоставлялъ довольно средства, — русскихъ было много, и между ними считали много усердныхъ дателей. Къ сожалѣнію, время прошло и осталось отъ него доброго — крѣпкое и болѣе распространившееся желаніе — построить церковь въ Парижѣ, которое побѣжало теперь вмѣстѣ съ русскими въ Россію расширяться и возмужать и возвратиться на мѣсто дѣйствованія. Необходимо крѣпкое желаніе и посольство, — препятствія исчезнуть сами собою: Богъ помощникъ добруму дѣлу, а для Него нѣть препятствій»...

Дѣйствительно, уже въ томъ же 1847 г. положеніе дѣла замѣтно улучшается. Осенью напечатаны русскихъ въ Парижѣ былъ необычайно великий, и о. Іосифъ снова обращается въ посольство съ просьбой поддержать мысль о построеніи храма, ссылаясь на многочисленныя заявленія соотечественниковъ. На этотъ разъ онъ встрѣчаетъ сочувствіе, и секретарь посольства Балабинъ соглашается, когда будетъ въ Петербургѣ, поговорить объ этомъ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Не ограничиваясь этимъ, о. Іосифъ самъ обращается къ оберъ-прокурору, графу Н. А. Протасову, прося искротайствовать разрѣшеніе какъ на постройку храма, такъ и на сборъ пожертвованій для этой цѣли. «Давно русскіе цутешественники», пишетъ онъ: «высказывали искрен-

нее желание построить въ Парижѣ православный храмъ Божій; въ настоящее время это желание созрѣло, усилилось, и, благодареніе Богу! — начало осуществляться. Соотечественники наши, находящіеся въ столицѣ Франціи, открыли подпиську для внесенія пожертвованій на построеніе вѣдь церкви православно - кафолическаго исповѣданія. Г. нашъ повѣренный по дѣламъ при французскомъ дворѣ Николай Дмитрій Киселевъ сердечно одобрилъ благое начинаніе и ожидалъ только мнѣнія и разрѣшенія Вашего Сіятельства, чтобы начать по этому дѣлу сношеніе съ Министерствомъ Иностр. Дѣль»... Даѣше онъ излагаетъ причины, побуждающія русскихъ въ Парижѣ къ совершенію добра го дѣла: бѣдность и убогость нашей посольской капеллы, неудобства при перемѣщеннѣ ея изъ одного дома въ другой, успѣшное поступленіе пожертвованій, къ которымъ присоединяются, несомнѣнно, и жертвы изъ Россіи, вѣроятная помощь со стороны православныхъ другихъ національностей и пр. Въ заключеніе онъ просить позволить продолжать подпиську, для сего выдать въ Парижскую церковь сборную, законно скрѣпленную книгу и позволить ему, о. Іосифу, обращаться съ просьбою къ соотечественникамъ, живущимъ въ Россіи.

Одновременно о. Іосифъ пишетъ К. С. Сербиновичу, прося его поддержать ходатайство, причемъ сообщается, что подписька началась уже довольно дѣятельно. — на трехъ тетрадкахъ, изъ которыхъ одною завѣдуется Марія Яковл. Нарышкина, другою Влад. Давидовъ, третьею онъ, о. Іосифъ, съ кн. Куракинымъ; «пожертвованія есть по тысячи, по пятьсотъ, по двѣсти и нѣтъ менѣе ста»... «Лѣзя сказать», рѣшительно заканчиваетъ онъ: «можеть ли дѣло со-

брать достаточныя средства въ одинъ годъ; но смѣло можно надѣяться, этого въ два - три года. Но количеству суммы должна быть опредѣлена и форма храма: въ 200.000 рублей можно устроить храмъ достаточно благолѣпій. Разрѣшеніе начать дѣло будетъ главнымъ шагомъ, половиною дѣла. Ваше Превосходительство своимъ добрымъ ходатайствомъ включите себя въ число блаженныхъ создателей храма»!

Но мечтѣ о. Іосифа и его прихожанъ не суждено было скоро осуществиться: неожиданно надвинувшаяся политическая событие, — въ 1848 г. французская революція, въ 1854 г. Крымская война, — заставили надолго отложить постройку храма. Ужасы революціи вынудили многихъ русскихъ оставить Парижъ и переселиться въ другія страны или даже вернуться въ Россію. «Съ вѣроятностью можно полагать», пишетъ о. Іосифъ: «что долгое время я уже не увижу моихъ соотечественниковъ въ столицѣ Франціи, — по крайней мѣрѣ въ такомъ числѣ, какъ въ настоящемъ году; я очень сожалѣю объ этомъ только въ томъ отношеніи, что предполагаемое дѣло о построеніи церкви должно будетъ остановиться, т. е. замедлиться и не прекратиться. Богъ укажетъ случай и средства возобновить его. По крайней мѣрѣ, одна сторона къ совершенію дѣла освобождена отъ препятствий: объявлена неограниченная свобода всѣхъ религій: прежніе законы потеряли силу»...

Хорошо понимая, что при созданныхъ революціей условіяхъ нечего и думать теперь о постройкѣ храма, но не теряя надежды на возобновленіе дѣла въ ближайшемъ будущемъ, о. Іосифъ приступаетъ пока къ ремонту посольской церкви. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ собралъ съ своихъ соотечественниковъ, оставшихся

въ Парижѣ, до 700 фр., присоединилъ 120 фр. изъ суммъ сдѣдуемыхъ на церковные расходы, и 100 фр., поступившихъ изъ посольства, и на эти средства совершина была передѣлка и укращеніе церкви. Вотъ какъ описываетъ этотъ ремонтъ самъ о. Иосифъ: «Стѣны, прежде худо окрашенныя сѣрою краскою, на 2 1/2 метра сдѣланы весьма искусно подъ дубовое лакированное дерево, а до карниза между двумя темнозелеными коймами окрашены иѣжною свѣтлозеленою масляною краскою; карнизъ въ полтора метра ширины сдѣланъ подъ мраморъ, равно и плинтусы. Вѣлій потолокъ укращенъ рельефнымъ крестомъ въ 2 1/2 метра длины: основаніе его опирается на выступлыхъ свѣтлыхъ облакахъ, а изъ соединенія перекладинъ разсыпаются золотые лучи; въ срединѣ креста помѣщенъ терновый вѣнецъ натурального цвѣта дерева; края креста, равно и наднины покрыты золотомъ. Въ алтарѣ наль св. престоломъ открывается взорамъ вѣрующаго (малое возвышение иконостаса не препятствуетъ взору проникать туда) чаша въ рельефѣ, поддерживаемая херувимомъ и окруженнная золотыми лучами; между крестомъ и чашею находится въ золотыхъ словахъ текстъ изъ св. Иоанна Богослова: «Богъ любы есть». Это главная мысль христіянства, которой разительными доказательствами служатъ крестная смерть Спасителя и св. Евхаристія. Надъ дверьми избралъ я для надписанія другой текстъ: «Грядущаго ко мнѣ не изгнану вонъ»: эти надписи сдѣланы правильными и изящными словенскими буквами. Для алтаря я сдѣлалъ деревянное возвышение (солеумъ) на двѣ ступеньки и къ нему присоединилъ амвонъ и клиросы, что и дало наплѣй каплицѣ благолѣпный видъ православнаго храма. Доселѣ въ на-

шемъ иконостасѣ существовала только одна боковая дверь съверная, посему и пѣвчіе стояли на лѣвой сторонѣ; сдѣлавъ по уставу и потребности вторую боковую дверь, я перевѣль пѣвчихъ на правый клиросъ. Иконостасъ теперь починенъ (въ двухъ мѣстахъ были скважины), вычищенъ, поновленъ и покрытъ тонкимъ лакомъ, что дало ему видъ совершенно новаго. Въ числѣ недостатковъ нашей церкви была ея натога, отсутствіе св. иконъ на стѣнахъ; для удаленія сего — правая сторона церкви теперь представляеть благочестивому взгляду молящагося образъ Христа Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и образъ молящейся Пресвятой Дѣвы; еще обѣщанъ образъ снятія со креста Спасителя, который будетъ поставленъ за престоломъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ церковь пространную (17 метровъ длины и до 7 высоты, кромѣ того довольно пространную прихожую — наперть) и не уступающую благоукрашеніемъ другимъ посольскимъ церквамъ, даже превосходящую ихъ, исключая Константинопольской. Обновленіе нашего храма и первое служеніе совершиено въ высокоторжественный день тезоименитства благочестивѣшаго Государя Императора. Благословенъ Богъ нашъ, еще благоволивый, слава Тебѣ!...»

Черезъ три мѣсяца, 14-26 марта 1819 г., о. Иосифъ съ радостью сообщаетъ К. С. Сербиновичу, что благотѣпіе церкви увеличилось пріобрѣтеніемъ еще трехъ иконъ, изъ коихъ особенно драгоцѣнно подношеніе кн. Куракина, — св. Крестъ, украшенный дорогими камнями съ частью животворящаго Креста Господня. «Такою святынею обладаютъ рѣдкіе храмы Божіи. Господь призвѣль на нашу смиренную каплицу!»

Протоіерей Н. Сахаровъ.
(Продолженіе слѣдуетъ)

"Церковный вестник Западно-Европейской епархии", № 6-7, июнь-июль 1936 г.
Le Messager de l'Eglise Russe à l'étranger. 12 rue Daru, Paris

Свято-Троицкій Александро-Невскій Храмъ въ Парижъ

(къ 75-лѣтію освященія его : 30 авг., 1861 г. — 30 авг. 1936 г.)

(Продолженіе).

II.

*Історія сооруженія русскаго храма
въ Парижѣ.*

Расширивъ и украсивъ церковь, энергичный о. Иосифъ, — уже настоятель церкви, — рѣшаетъ создать при ней библиотеку. Въ сборной книжѣ онъ пишетъ слѣдующее предисловіе: «Въ Россіи каждый любознательный въ короткое время можетъ приобрѣсти

извѣстную книгу; часто можно взять ее для чтенія у своихъ друзей, знакомыхъ, книгопродавцевъ, или можетъ принять на себя трудъ посѣтить публичныя библіотеки. Здѣсь, въ Парижѣ, нѣть подобныхъ возможностей: появленіе книгъ отечественныхъ весьма рѣдко и то случайно доходить до слуха путешественниковъ, выписка ихъ продолжительна и соединена съ затрудненіемъ, пере-

возь ихъ за собою обременителенъ, порча и потеря неизбѣжна. Между тѣмъ, вдали отъ родины мы тѣмъ живѣе чувствуемъ потребность и наслажденіе слѣдить за развитіемъ умственной жизни нашего отечества и участвовать въ ней, слышать родной языкъ, чего нельзя достигнуть безъ русскихъ книгъ. Кромѣ того, каждый путешественникъ по временамъ имѣть нужду возобновить въ памяти видѣнное и читанное, то повѣрить подробности разсказа, то подкрѣпить свои слова доказательствомъ твердымъ: въ этотъ часъ русская книга бываетъ нужнѣе насущнаго хлѣба, но ее нельзя имѣть ни за какія сокровища. Основаніе библіотеки русскихъ книгъ устраниетъ всѣ сіи неудобства и затрудненія и доставляетъ всѣ выгоды и наслажденія для путешествующихъ соотечественниковъ. Пріобрѣтеніе книгъ, ихъ храненіе и употребленіе находится въ завѣданіи священника». — Что касается состава библіотеки, то, конечно, первое мѣсто должны были занять книги религіознаго содержанія, затѣмъ сочиненія по отечественной исторіи, произведенія литературныя знаменитыхъ русскихъ писателей и вообще «всѣ произведенія, носящія печать мысли вѣрной, благородной, нравственной, родной», и, наконецъ, учебники для дѣтей и книги для дѣтскаго чтенія. Библіотека учреждалась на пожертвованія. Желающій братъ по одной книжѣ въ разъ подписывается на 10 фр., предполагающій братъ по двѣ книги сразу — удвояетъ сумму подписки и т. д.

Въ концѣ 1852 г., когда во Франції стало спокойнѣй, и русскіе вновь въ большомъ числѣ стали пріѣзжать въ Парижъ, о. Іосифъ возобновляетъ свое ходатайство о построеніи храма. Объ его прошеніи министръ Иностр. Дѣлъ, гр. Несельроде, доложилъ Го-

сударю, но вслѣдствіе все еще не установившагося государственна-го строя Франціи Государь не соизволилъ разрѣшить приведеніе въ исполненіе этого плана. Извѣстіе объ этомъ опечалило о. Іосифа. «Съ покорностью волѣ Божіей я принялъ эту вѣсть: вѣрно, Верховному Промыслителю не угодно избрать меня орудіемъ къ сему дѣлу!»

Потерпѣвъ новую неудачу въ вопросѣ о построеніи храма, о. Іосифъ продолжаетъ свои заботы объ украше-ніи церкви, и на этотъ разъ рѣшаетъ замѣнить старый иконостасъ новымъ. Для этой цѣли 12 янв. 1853 г. (нов. ст.) онъ обращается въ посольство съ слѣдующимъ письмомъ: ...«Существующей иконостасъ нашей посольской церкви по устройству, размѣру и украшенію далеко не соответствуетъ потребностямъ и благолѣпію нашего православнаго богослуженія. Притомъ же онъ отъ долговременности (онъ устроенъ въ 1817 г.) и отъ много-кратныхъ перестановокъ пришелъ въ великую ветхость. Въ намѣреніи устроить новый благолѣпійный иконостасъ я принималъ доброхотныя пожертвованія русскихъ путешественниковъ. Сборъ на сей предметъ простирается уже свыше десяти тысячъ фр. п., безъ сомнѣнія, еще значительно возрастетъ. Между тѣмъ, я считаю возможнымъ приступить къ совершенію предполагаемаго дѣла. При устроеніи нового иконостаса желательно было бы сдѣлать слѣдующія перемѣны: 1) икону св. Николая поставить противъ лѣваго клироса, тогда какъ теперь, вопреки обычая Церкви, она изображена на южной двери алтаря; иконы св. прав. Елизаветы и муч. Никиты замѣнить изображеніями святыхъ нашей отечественной Церкви, а именно: св. вел. кн. Владимира, просвѣтителя Россіи, и св. благов. кн. Александра Невскаго, покровителя

нашего царствующаго града. Для иконоисанія я имѣю въ виду художника Людовика Рубіо, который, кроме совершенного познанія и художественнаго исполненія итальянской живописи, изучилъ иконоисанія византійское и русское. Онъ уже писалъ иконы и цѣльные иконостасы для нашихъ отечественныхъ церквей. Предлагая все сіе на разсмотрѣніе Вашему Прев - ву, всепокорнѣйше прошу исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе на устройство предполагаемаго иконостаса». — Копію этого письма о. Іосифъ препровождаетъ оберъ-прокурору св. Синода, гр. Н. А. Протасову, прося ускорить дѣло своихъ ходатайствомъ и прибавляя, что посланникъ представилъ дѣло въ Министерство съ одобрительнымъ отзывомъ, — Сооруженіе нового иконостаса было разрѣшено, но освященіе его могло быть совершено лишь позднѣе, 6-18 дек. 1854 г., т. е. уже во время войны.

Грозные признаки приближающейся войны ясно чувствовались, по крайней мѣрѣ, за годъ до объявленія ея. Между прочимъ, однимъ изъ такихъ признаковъ было одно обстоятельство, мелкое само по себѣ, но глубоко оскорбившее национальное чувство русскихъ православныхъ въ Парижѣ. До сихъ поръ наша церковь посольская была общею церковью для всѣхъ православныхъ, проживавшихъ въ Парижѣ: въ нее ходили и греки, и валахи, и славяне. Но въ началѣ 1853 г. валахи — эмигранты и греки обратились къ турецкому посланнику при франц. дворѣ Вели - пашѣ съ просьбою поддержать ихъ ходатайство о разрѣшеніи устроить въ Парижѣ капеллы православно - греческаго обряда. Кромѣ того, они просили посланника (магометанина!) принять на себя покровительство православной вѣры во Франціи. Вели - паша

не только охотно далъ свое согласіе, но и подписался первымъ въ числѣ жертвователей. Разрѣшеніе франц. правительства поступило незамедлительно, и 11-23 окт. была освящена домовая церковь, а со временемъ предполагалось построить и особый храмъ. О. Іосифъ былъ крайне огорченъ и обезпокоенъ этимъ. «Я не могъ не плакать», писалъ онъ оберъ-прокурору св. Синода: «надъ развалинами моего плана о построеніи церкви общеправославной въ Парижѣ. Если бы Господь благословилъ мысль мою, то мнимое покровительство Турціи Православію не имѣло бы ни значенія, ни успѣха»...

Когда война съ Турціей, которую поддержала Франція, была объявлена, наше посольство, а затѣмъ и консульство покинули Парижъ, но церковь наша и ея служители продолжали свою высокую миссию. Въ концѣ 1854 г. о. Іосифъ сообщаетъ гр. Протасову, оберъ-прокурору св. Синода, подробно о своей первой поѣзdkѣ на островъ Эксъ къ русскимъ военно-плѣннымъ, о совершеніи тамъ службы, о катехизическихъ поученіяхъ и бесѣдахъ. Сообщеніе это было доложено гр. Протасовымъ Государю, который написалъ: «Спасибо ему, хорошо дѣлаетъ». А весной 1855 г. о. Іосифъ вновь отправляется на островъ Эксъ для служенія на Страстной и Пасхальной недѣляхъ, причемъ ему пришлось объявить солдатамъ печальную вѣсть о кончинѣ Государя Николая Павловича и привести ихъ къ присягѣ Государю Императору Александру Николаевичу. Въ Парижѣ службы совершились въ отсутствіе о. Іосифа, вто-рымъ священникомъ, о. Петровымъ. Путешествія разстроили здоровье о. Василья, и посѣщеніе и обслуживание русскихъ военно-плѣнныхъ въ другомъ мѣстѣ, въ Тулонѣ, взялъ на себя о. Петровъ.

По окончанії войны и упроченіи государственного строя Франції, неутомимый о. Іосифъ снова поднимаетъ въ спросъ о построеніи храма. Снова онъ обращается (въ сент. 1856 г.) въ посольство, и тогдашній чрезвычайный посланникъ, баронъ Ф. И. Брунновъ, направилъ его прошеніе съ своимъ весьма сочувственнымъ отзывомъ — министру Иностр. Дѣлъ, кн. А. М. Горчакову. Концю этого прошенія о. Іосифъ посылаетъ и. д. оберъ-прокурора св. Синода А. И. Карасевичу. Въ прошеніи необходимость храма доказывается тремя соображеніями: 1) недостатокъ мѣста для православныхъ богомольцевъ, 2) невозможность благолѣпного украшенія, преличного святости и величию православнаго обряда, и 3) несообразность съ постановленіями и обычаями Церкви (церковь направлена алтаремъ на западъ, при перемѣщеніи иконостасъ можетъ не подойти къ новому помѣщенію, невозможность соблюсти церковное правило, по которому мѣсто престола должно оставаться досточтимымъ и неприкосновеннымъ, а между тѣмъ на мѣстѣ прежней церкви нашей — на рю де Мелэй, стѣлана увеселительная кофейная, и т. д.). Въ виду свободы всѣхъ вѣроисповѣданій во Франціи, нельзя предполагать отказа въ разрѣшеніи постройки, а въ виду аполитичности нашей церкви нельзя опасаться и какихъ-либо нападеній со стороны толпы.

Что же касается финансовой стороны здумманнаго дѣла, то о. Іосифъ въ письмѣ къ посланнику такимъ образомъ опредѣляетъ возможные доходы и расходы: «Финансовый источникъ къ построению церкви двоякій: щедроты Благочестивѣшаго Государя нашего Александра Николаевича и добродохотовыя даянія русскихъ. Наемъ настоящаго помѣщенія нашей капеллы стоить около 6000 фр. въ годъ и, безъ

сомнѣнія, скоро увеличится, при общемъ повышеніи цѣнности домовъ въ Парижѣ. За настоящее малое помѣщеніе капеллы нашей въ продолженіе 27 лѣтъ уже уплачено 162.000 фр., — сумма, многократно превышающая цѣнность самого зданія, и не смотря на это, — зданіе остается не нашимъ. Если бы нашему правительству благогодно было опредѣлить капиталъ паче тысячу процентовъ на построеніе церкви, то мы имѣли бы уже основательное начало средствъ. Обильное же восполненіе сихъ средствъ состоитъ въ доброхотныхъ даяніяхъ русскихъ, какъ путешествующихъ во Францію, такъ и пребывающихъ въ Россіи. Я имѣю несомнѣнную надежду, что благочестивые соотечественники наши примутъ живое участіе въ созиданіи православнаго храма Божія во славу Церкви и отечества. Равно да позволено будетъ мнѣ принять пожертвованія и отъ нашихъ единовѣрцевъ грековъ, которые охотно принесутъ посильныя даянія въ томъ упованіи, что въ имѣющемъ созаться храмѣ, кромѣ главнаго престола, будетъ устроенъ другой для совершеннія Божественной службы на греческомъ языкѣ. — Всѣ издержки на построеніе православной церкви въ Парижѣ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, не превысятъ суммы 100.000 рублей серебромъ*). Я съ своей стороны, предлагаю на служеніе сему святому дѣлу всѣ силы существа моего, всевозможное терпѣніе и постоянство: ибо не одинъ, не два и не три года потребны къ собранію достаточныхъ средствъ. Суммы же, собираемыя на построеніе православной церкви, обязываюсь вносить въ одно изъ кредитныхъ учрежденій Россіи».

*.) Въ дѣйствительности, онѣ превысили 300.000 р., по тоглашинѣ цѣнности публя это составляетъ сумму въ 1,200,000 фр.

III.

Закладка и сооружение храма.

Въ 1857 г. послѣдовало, наконецъ, разрѣшеніе на сооруженіе храма въ Парижѣ и на сборъ средствъ для этой цѣли. Со всѣхъ концовъ потекли пожертвованія на Божіе дѣло. Первый крупный даръ поступилъ 9 авг. 1857 г. отъ Государя Императора въ размѣрѣ 50.000 рублей, т. е. по курсу того времени — 200.000 франковъ; второй — въ томъ же размѣрѣ — отъ Святѣйшаго Синода 30 сент. 1857 г.; кромѣ того, въ Парижѣ собрано было въ томъ же году — 48.700 фр. Такимъ образомъ уже къ 1 окт. 1857 г. пожертвованія составили значительную сумму въ 448.700 фр., и рѣшено было приступить къ покупкѣ земли для храма. Выборъ падъ на — давно уже, вѣроятно, намѣченный — участокъ земли по улицѣ рю де ля Круа дю Руль (впослѣдствіи 12, рю Дарю), находившійся по близости Россійскаго Императорскаго Посольства, которое занимало тогда помѣщеніе на рю дю Фобургъ Сентъ-Опорэ, 33, и прежней церкви, которая помѣщалась на рю Бэрри, 12.

Участокъ этить, принадлежавшій французскому семейству Ганноссѣ (Hannosset), занималъ площадь въ 2.366 метровъ и 22 сант. и былъ проданъ по цѣнѣ 100 фр. за метръ; черезъ годъ, 25 ноября 1858 г., прикупленъ былъ еще небольшой соседній участокъ въ 355 м. 46 сант. по той же цѣнѣ. Такимъ образомъ, общая стоимость земли составила 272.168 фр., т. е. сумму, которую легко было покрыть собранными средствами. Но хотѣлось приступить, какъ можно скорѣе, къ сооруженію храма, для чего сразу же нужно бы-

ло имѣть подъ руками большія суммы. Поэтому за мѣсто пришлось платить по частямъ въ теченіе долгаго времени и, не только стоимость земли, но и проценты. Послѣдній взносъ произведенъ былъ лишь въ 1871 году уже преемникомъ прот. Васильева, прот. Прилежаевымъ, причемъ вся уплаченная за землю сумма достигла почти 450.000 фр.

Такъ какъ русская церковная община въ Парижѣ въ то время не была зарегистрирована по французскимъ законамъ и поэтому не представляла собою юридического лица, то земля для храма была куплена на имя Императорскаго Россійскаго Посольства, представителемъ котораго былъ и при заключеніи контракта и подписаніи купчей крѣпости Императорскій послъ графъ П. Д. Киселевъ. Но въ дѣйствительности, всѣ хлопоты какъ по сбору пожертвованій, такъ и по веденію самого дѣла сооруженія легли почти исключительно на прот. И. Васильева, который, поистинѣ, былъ душой всего этого труднаго и сложнаго дѣла. Нѣсколько разъ онъѣздилъ въ Россію не только для сбора средствъ, но и для самыхъ разнообразныхъ переговоровъ, просьбъ, заказовъ, покупокъ и пр., связанныхъ съ хлопотами о сооруженіи. Сколько труда было имъ положено! Сколько затруднений приходилось преодолѣть! Сколько разочарованій и непрѣятностей пришлось испытать! Но, къ Божіей помощью, удалось побѣдить всѣ препятствія и осуществить давно задуманное дѣло.

Закладку храма о. Іосифъ предполагалъ совершить осенью 1858 г., пріурочивъ ее къ пріѣзду въ Парижѣ вел. князя Константина Николаевича. Но это не удалось сдѣлать, такъ какъ русскій строитель храма, архитекторъ И. В. Штромъ, обѣщавшій быть въ Парижѣ осенью, запоздалъ и

прибыль только зимой, чѣмъ очень угорчилъ о. Іосифа. «Съ прибытиемъ архитектора», писалъ онъ г. оберъ-прокурору Св. Синода, гр. А. П. Толстому: «прибыла и зима. Что можно было сдѣлать въ это мертвяще время года, то сдѣлано, т. е. вырыты основанія и запасены матеріалы». Въ началѣ февраля 1859 г. началось возведеніе фундамента, а 19 февр., въ день восшествія на престоль Государя Императора Александра II, состоялось торжественное положеніе первого камня.

Планъ храма, составленный г. Кузьминымъ, профессоромъ С.-Петербургской Академіи Художествъ и старшимъ придворнымъ архитекторомъ, былъ представленъ нашимъ г. посломъ Императору Наполеону III, который, разсмотривая его, повторилъ: «Это очень любопытно, это очень оригинально, это очень красиво».

Заботясь о благолѣпіи будущаго храма, о. Іосифъ не могъ, конечно, не подумать и объ улучшениіи хора въ немъ. До сихъ поръ въ Парижской церкви при богослуженіяхъ пѣли три псаломника. Теперь рѣшено было создать хоръ въ 16 человѣкъ; но такъ какъ русскихъ пѣвчихъ трудно было достать и притомъ они обошлились бы слишкомъ дорогого, то временно организованъ былъ хоръ изъ 16-ти французовъ; текстъ для пѣнія написанъ былъ латинскими буквами, и о. Іосифъ въ письмѣ къ г. оберъ-прокурору отъ 15 (27) января 1859 г. свидѣтельствуетъ, что онъ былъ на спѣвѣ и «нашелъ пѣніе правильнымъ, стройнымъ, произношеніе весьма удовлетворительнымъ, . . . такъ что нельзѧ подумать, чтобы это, были французы».

Торжественная церемонія закладки храма собрала не только всѣхъ православныхъ, находившихся въ

Парижѣ, но и множество французовъ, на которыхъ церемонія эта произвѣла глубокое впечатлѣніе, если судить по газетнымъ сообщеніямъ и частнымъ бесѣдамъ. Вотъ какъ описываетъ о. Іосифъ эту церемонію въ письмѣ къ г. оберъ-прокурору гр. А. П. Толстому отъ 25 февр. (9 марта) 1859 г.:

«19 февр. (3 марта), въ день восшествія на престоль нашего Государя Императора, совершено торжественное положеніе первого камня православной Святотроицкой Александро-Невской церкви въ Парижѣ. Всѣ русские и греки, пребывающіе въ столицѣ Франціи, были извѣщены заранѣе о предстоящемъ торжествѣ. Во избѣженіе толковъ и предположений политическихъ, власти здѣшняго государства не были приглашены, исключая главныхъ сановниковъ города Парижа, каковы префектъ Сенского департамента и префектъ полиціи. На основаніяхъ строящейся церкви, возведенныхъ уже на аршинъ высоты, были устроены двѣ очень красивыя палатки: одна для вѣрюющихъ, другая для священнослужащихъ. Послѣдняя увѣнчана позолоченнымъ крестомъ, а въ срединѣ увенчана св. иконами Христа Спасителя, Богоматери и Сопѣществія Св. Духа, и внутри оной поставленъ благоукрашенный столецъ, на которомъ положены Животворящій Крестъ, св. Евангеліе и поставлена водосвятная чаша. Въ упомянутый высокоторжественный день, послѣ Божественной литургіи и установленного молебна, посоль, члены посольства, консульства, а равно и всѣ присутствующіе, въ полной парадной формѣ, отправились на мѣсто построенія православной церкви (рю де ля Круа). Священный обрядъ начался посвѣдованіемъ водоосвященія, постѣ котораго протоіерей І. Василь-

евъ произнесъ приличную торжест-
ву рѣчъ, затѣмъ, по окроплениіи
св. водою русскихъ и французскихъ
монетъ и бронзовой доски съ надпи-
саніемъ на оной храмовыхъ праздни-
ковъ, времени и обстоятельствъ сози-
дающейся церкви (1), г. чрезвычай-
ный посолъ положилъ оныя въ углуб-
леніе, сдѣланное въ краеугольномъ
камнѣ. Все сіе покрыто мраморною
плитою съ изображеніемъ креста. На
сей плитѣ, окропленной св. водою,
положенъ камень прот. Васильевъ,
потомъ гр. Киселевъ и другими
именитыми присутствующими
православными, въ числѣ коихъ на-
ходился и греческій повѣренный въ
дѣлахъ. Церемонія кончилась обхож-
деніемъ основаній церкви съ кре-
стомъ и св. водою. Теплый весенний
день благопріятствовалъ торжеству;
около 3.000 любопытныхъ францу-
зовъ стояли на улицѣ, удерживаемые
отъ входа полиціею Кромѣ того, всѣ
дома и крышисосѣднихъ домовъ бы-
ли покрыты любопытными. По отзывамъ
всѣхъ, торжественный обрядъ
закладки церкви произвелъ благо-
пріятное впечатлѣніе. При церемоніи
присутствовали нѣкоторые здѣш-

ніе архитекторы, которые о планѣ и
фасадѣ отзывались съ отличною по-
хвалою. Писатели же, бывшіе свидѣ-
телями положенія первого камня пра-
вославной русской церкви, описали
сіе торжество, каждый судя по сво-
имъ взглядаамъ и партіямъ, къ кото-
рымъ принадлежить».

Постройка храма шла весьма ус-
пѣшно. 8 (20) марта 1859 года о.
Іосифъ, писалъ, что уже выведенъ
подвалъ, а 25 дек. 1859 г. (6 янв.
1860 г.) — что зданіе возведено до
купола и что къ іюню 1860 г. вся
черновая работа будетъ кончена. При
этомъ онъ прибавляеть (въ письмѣ
къ кн. С. Н. Урусову), что по сбору
предстоить много труда, — тѣмъ
болѣе, что архитекторъ допустилъ
значительную (80.000 фр.!) пере-
держку сравнительно со сметой. Въ
письмѣ отъ 16 (28) іюня 1860 г. онъ
пишетъ: «Каменная кладка нашей
церкви приходитъ къ окончанію;
днѣй черезъ 15 поставимъ золотыя
главы и кресты...». Успешно шла и
внутрення отдѣлка и роспись храма,
такъ что уже къ лѣту 1861 года со-
оруженіе и украшеніе храма можно
было считать почти законченными.
Къ этому времени издано было на
франц. языкѣ описание нового храма
подъ заглавиемъ: «Description de
l'Église russe de Paris». Изъ
этого описанія, а равно изъ писемъ
прот. В. Н. Полисадова (2), заимст-
вуются здѣсь главнѣйшія данныя о
новой церкви.

«Основаніе церкви — четырехко-
ничный греческій крестъ. Длина и
ширина храма — одинаково ровная
— 13 сажень и 6 вершковъ. Внѣш-
няя высота — 22 саж. и 12 вершк.

(1) Вотъ это надписаніе: «Лѣта 1859
19 февраля (3 марта) сей православный
трехъ-престольный храмъ заложенъ въ
благополучное царствованіе Благоче-
стивѣйшаго Государя Императора Все-
российскаго Александра II щедротами
Его Величества, всего Царствующаго
Дома, Св. Прав. Синода и пожертвова-
ніями православныхъ, начинаніемъ же
и стараніями прот. И. Васильева, по про-
екту проф. архитектуры Романа Кузь-
мина, въ присутствіи чрезвычайного и
полномочнаго посла при Императорѣ
французовъ Наполеонѣ III гр. Павла
Дмитр. Киселева, строительнаго комите-
та и строителя академика Ивана Штрома».

Храмъ названъ «трехъ-престольнымъ»:
очевидно, въ верхней церкви предпола-
галось два престола.

(2) «Письма прот. В. П. Полисадова
о путешесвіи нашей духовной миссіи
въ Парижъ и объ освященіи Парижской
церкви». СПБ. 1861.

Зданіе заканчивається високимъ піраміdalнимъ куполомъ, который вѣнчается ярко вyzолоченою главою элліптическої формы и сіяюшимъ осьмиконечнымъ крестомъ съ цѣпями, опущенными на главу со второй перекрестной линіи креста. Позолота креста, цѣпей, главы, боковъ пирамиды такъ искусно разсчитана, что, при свѣтѣ солнечномъ, вызолоченные стороны пирамиды отражаютъ въ себѣ лучи отъ позолоты и весь куполь представлется вyzолоченнымъ. На каждомъ изъ четырехъ угловъ зданія возвышается также куполъ, одинаковый по устройству съ центральнымъ, но значительно меныше его; на этихъ куполахъ главы, кресты и цѣпи тоже вyzолочены (3). — Общий характеръ зданія носить нѣкоторыя черты стрѣльчатости, въ которому французы видятъ признаки готической архитектуры западныхъ храмовъ; но съ этой стрѣльчатостью архитектура Парижской церкви смѣло, искусно и оригинально соединяеть и круглоту формъ, которая служить однимъ изъ отличительныхъ признаковъ византійского стиля.

Въ церковь ведеть каменная лѣстница въ 11 ступеней. На площадкѣ, которую заканчивается лѣстница, устроена папертъ или крытое преддверіе на четырехъ изящно выточенныхъ колоннахъ. Кровля украшена небольшой главою съ крестомъ такой же формы, какую имѣютъ главы на самомъ зданіи. Крестъ на этой главѣ прежде всего встрѣчаетъ зрителя, желающаго войти во внутренность храма, лишь только вступаетъ онъ на первую ступень лѣстницы. Когда войдетъ онъ въ церковь, форма креста

опять на глазахъ. Она раздѣляетъ все зданіе на четыре равныя части, идущія отъ центра, который находится подъ главнымъ куполомъ, поддерживаемъ четырьмя столбами. Алтарь занимаетъ ту часть крестообразнаго храма, которая обращена къ востоку; западная образуетъ притворъ; остальная двѣ составляютъ самий храмъ, который, повидимому, не великъ, но на самомъ дѣлѣ очень помѣстителенъ. По осмотрѣ вида расположенія храма, взоръ зрителя невольно поднимается къ верху. Оттуда, черезъ окна купола, проливается свѣтъ вполнѣ достаточный для освѣщенія всего храма. Въ самомъ верху купола изображенъ Иисусъ Христосъ, вѣчный Архіерей и Глава Церкви, окруженный небесною славою, возвѣщающей на огненныхъ херувимахъ и благословляющей вѣрныхъ. Это изображеніе окружено надписью золотыми буквами: «Имуше архіерея велика, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божія, да держимся исповѣданія. Не имамы бо архіерея не мсгуша спострадати немошамъ нашимъ, но искушена по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха. Да приступаемъubo съ дерзновенiemъ къ престолу благодати, да пріимемъ милость и благодать обрящемъ, во благовременну помошь» (Евр., 4, 14-16). Свѣтъ, выходящій изъ оконъ купола, находящихся ниже изображенія, и въ тоже время отражающійся въ куполѣ, въ глубинѣ его образуетъ легкую полутѣнь, въ которой виднѣется образъ благословляющаго Господа. Все это живо возбуждаетъ въ зрителѣ мысль о томъ, кто есть Глава Церкви и Искупитель міра. На фризѣ, подъ окнами большого купола, представленъ Ветхій Завѣтъ или, вѣрнѣ, Мессія, предвѣщаемый и уже привѣствуемый пророками, въ нѣдрахъ Пресв. Дѣвы. Матерь Божія

(3) На западной строонѣ, между куполами, нарисована большая икона Спасителя, изображеннаго садящимъ на престолѣ.

возвѣдьтесь на престолъ. Во чревѣ ея изображенъ Богомладенецъ, сіяющій божественнымъ свѣтъмъ. Съ той и другой стороны приближаются къ Пресв. Дѣвѣ пророки, держащіе въ рукахъ свитки, на которыхъ написаны ихъ пророчества о пришествії Спасителя. Съ правой стороны представлены пророки и пророчицы, слѣдующіе по порядку времени ихъ жизни, начиная съ ближайшихъ къ Преосв. Дѣвѣ: Захарія, Елизавета Иезекіиль, Аггей, Малахія, Авраамъ; съ лѣвой: Симеонъ, Анна, Даниль, Іеремія, Аввакумъ, Ісаія и Давидъ. Представителями Новаго Завѣта являются здѣсь четыре Евангелиста, изображенные въ самомъ верху четырехъ столбовъ, поддерживающихъ куполь зданія. Они представляются какъ бы постановленными въ четырехъ странахъ свѣта для написанія всѣмъ народамъ вселенной благой вѣсти о спасеніи ихъ Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ. Ниже евангелистовъ, въ большихъ полуаркахъ или нишахъ между столбами, начертаны главныя события изъ земной жизни Спасителя. Выборъ предметовъ, здѣсь написанныхъ, соответствуетъ главнымъ дѣйствіямъ нашей литургії. Проскомидія изображена картиною рожденія Іисуса Христа: малый входъ — нагорной проповѣдью Спасителя; великий входъ — входомъ Господнимъ въ Йерусалимъ; освященіе св. Даровъ и причащеніе ими вѣрныхъ — Тайною Вечерею. Надъ этими изображеніями положена надпись, указывающая главную мысль божественной литургії: «Да молчить всяка плоть человѣчча»... По столбамъ храма изображены ангелы, небесные служители, возносящіе молитвы вѣрныхъ къ престолу Царя славы. Исторія искушенія нашего, представленная выше взлетающіхъ ангеловъ, напоминаетъ молящимся, что наши молитвы доходятъ до Господа лишь

чрезъ заслуги Спасителя. Пробѣлы между стѣнными живописными изображеніями наполнены украшеніями яркихъ цветовъ, заимствованными изъ храма св. Софіи въ Константинополѣ. Они слишкомъ многочисленны и разнообразны, чтобы можно было описать ихъ. — Въ первомъ ярусѣ рѣзного ярко вызолоченаго иконостаса, кромѣ иконъ Спасителя и Пресв. Дѣвѣ, находятся на боковыхъ дверяхъ изображенія — арханг. Михаила и архидіакона Стефана; далѣе на правой сторонѣ, св. Александра Невскаго, во имя котораго и устроенъ новый храмъ, на лѣвой — св. Николая Чудотворца; во второмъ ярусѣ, надъ царскими вратами, поставлена икона Пресв. Троицы; по сторонамъ ея — изображенія св. лицъ изъ Ветхаго Завѣта — Моисея, Давида и Иоанна Крестителя, изъ Новаго — св. Андрея, равноапост. царя Константина и св. князя Владимира. Всѣ иконы и стѣнная живопись — на золотомъ фонѣ, придающая особую рельефность и красоту изображеніямъ.

Живописью храма занимались русские художники, которые, несмотря на краткость времени, успѣли обнаружить замѣчательное во всемъ искусство. Изображеніе Спасителя вверху купола, съ вѣличественнымъ и вмѣстѣ божественно-кrotкимъ лицомъ благословляющаго вѣрныхъ, Тайная Вечеря и образъ св. Иоанна Богослова, возбуждающій благоговѣніе къ великому благовѣстнику, особенно ясно показываютъ въ г. Е. Сорокинѣ, писавшемъ эти иконы, смѣлость и оригинальность аргистической мысли и навыкъ быстрого и живого ея выполненія (4). Образъ

(4) Имъ же написаны: образъ Спасителя въ алтарѣ, шесть иконъ, нижняго яруса иконостаса и образъ еванг. Марка подъ куполомъ, а также — вмѣстѣ съ Бронниковымъ — «Нагорная проповѣдь» на западной сторонѣ храма.

св. евангел. Матея и «Входъ Иисуса Христа въ Іерусалимъ» свидѣтельствуютъ о силѣ и бодрости артистического таланта г. М. Бронникова (5). Въ изображеніи Рождества Христова г. П. Сорокина замѣтно самое теплое, нѣжное настроеніе благочестиваго чувства, соединенное съ эстетическимъ вкусомъ талантливаго художника (6). Г. Васильевъ въ изображеніи Пресв. Дѣвы и пророковъ представилъ доказательство своего глубокаго пониманія религіозно-православнаго искусства, въ которомъ исторія и учение составляютъ необходимые элементы, пополняютъ себя взаимно, пропорціонально развиваются, даютъ художнику неисчерпаемый материалъ, сильный возбудить въ зрителя этихъ произведеній возвышенныя чувства и мысли. Замѣчателенъ также образъ Спасителя на горнемъ также образъ Спасителя на горнемъ мѣстѣ, возсѣдающаго на огненныхъ

(5) Имъ же написаны шесть иконъ верхняго яруса иконостаса.

(6) Имъ же написаны: образъ св. Троицы надъ царскими вратами и образъ евангел. Луки подъ куполомъ.

херувимахъ; свѣтлый, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ сіяющей красотою небесною, ликъ Царя славы зритъ на лица предстоящихъ здѣсь и принимаетъ отъ нихъ поклоненіе (7).

Парижская церковь выстроена изъ тесанаго бѣлаго камня различныхъ французскихъ ломокъ. Полъ въ ней тоже каменный, пашковый, расположенный весьма изящно. Ступени, ведущія на солею, и самая солея — изъ бѣлаго полированнаго мрамора, ограждены посеребренною рѣшоткою прекраснаго рисунка.

Протоіерей *H. Сахаровъ*.

(7) Позднѣе, уже послѣ освященія храма, написаны: иконы четырехъ святыхъ, составителей Литургій — св. Апостола Іакова, св. Василия Великаго, св. Іоанна Златоуста и св. Григорія Двоесловіа — въ алтарѣ по обѣимъ сторонамъ иконы Спасителя, а также иконы четырехъ Московскіхъ святителей: свв. Петра, Алексія, Іоны и Филиппа на столбахъ въ серединѣ храма и др. Кисти художника Боголюбова принадлежать два большихъ священныхъ изображеній на сѣверной («Хожденіе по водамъ») и на южной («Нагорная проповѣдь») внутренникъ стѣнахъ храма.

"Церковный вестник Западно-Европейской епархии, № 10-11,
октябрь-ноябрь 1936 г. Le Messager de l'Eglise Russe à l'étranger.

Свято-Троицкій Александро-Невскій Храмъ въ Парижѣ.

(Къ 75-лѣтію освященія его: 30 аві. 1861 — 30 аві. 1936).

IV. Освященіе храма.

Въ 1859 г. прот. И. Васильевъ отправляется въ Петербургъ частью для организаціи сбора пожертвованій ча построеніе храма въ Парижѣ, частью для предварительныхъ переговоровъ съ духовными и гражданскими

властями относительно предстоящаго освященія. Съ этими же цѣлями онъѣздилъ въ Россію и въ 1860, и въ 1861 г., причемъ побывалъ, повидимому, не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, и на Нижегородской ярмаркѣ, повсюду обращаясь съ горячимъ приывомъ къ русскимъ пра-

вославнымъ людямъ помочь великому дѣлу Православія на чужбинѣ.

Соответственно величественности и сваго храма величественно должно было быть и торжество освященія. Въ этомъ отношеніи о. Иосифъ не встрѣтилъ сочувствія со стороны Посольства. Императорскій посолъ, графъ П. Д. Киселевъ, оказавшій самую дѣятельную и сочувственную поддержку дѣлу построенія храма, считалъ, однако, болѣе благороднымъ совершилъ освященіе въ самой скромной обстановкѣ. Объясняется это тѣмъ, что въ это время, т. е. при импер. Наполеонѣ III, католическая церковь считалась во Франціи государственной, господствующей церковью и ревниво следили за другими исповѣданіями. И такъ какъ, съ другой стороны, политическая отношенія между Франціей и Россіей, послѣ Крымской войны все еще не были достаточно дружественными, то графъ опасался, какъ бы шумъ церковнаго торжества не ухудшить еще болѣе этихъ отношеній. Вотъ что графъ записалъ въ дневникѣ підъ 30-мъ августа 1861 г., т. е. въ день освященія: «Я не предполагалъ придать такой торжественности обряду освященія церкви; это было дѣломъ отца Васильева, которому я предоставилъ свободу дѣйствія въ семъ отношеніи въ Петербургѣ, предупредивъ, однако, его, что если обратятся ко мнѣ съ официальнымъ запросомъ, то я отвѣчу, что такая торжественность православнаго обряда въ столицѣ Франціи неудобна и рискованна. Католическое духовенство шкотливо и католическая журнальная пресса крайне невоздержна. Подобный вызовъ можетъ повлечь за собою репрессалии, а это, по меньшей мѣрѣ, бесполезно; нашъ баснописецъ сказалъ: «можно, но чтобы гусей не раздразнить». Я не забываю этого

изрѣченія и часто руководствуюсь имъ въ своей жизни. Впрочемъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, фактъ совершился, то надобно желать, чтобы мой пессимизмъ въ семъ случаѣ не оправдался...*).

О. Иосифъ настоялъ на своемъ и сдѣлалъ все, что могъ, чтобы увеличить торжество и тѣмъ поднять престижъ Православія въ глазахъ иностранныхъ и иновѣрныхъ.

Вопросъ о томъ, кого изъ епископовъ отправить въ Парижъ на освященіе, решенъ былъ, повидимому, не сразу. Указывали, между прочимъ, на Московскаго викария, преосвящ. Леонида, какъ владѣвшаго французскимъ языкомъ. Указывали также на Харьковскаго архіепископа Макарія. Митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ А. П. Муравьеву, что думали послать Варшавскаго архіепископа Арсенія, но эта кандидатура была оставлена на томъ основаніи, что такое послыство было бы, какъ выражается митрополитъ Филаретъ, «усиленнымъ окказельствомъ», такъ какъ преосв. Арсений явился бы представителемъ Св. Синода и всей Русской Церкви. Наконецъ, остановились на кандидатурѣ преосв. Леонтия, епископа Ревельскаго, викария Петербургскаго, и этотъ выборъ былъ наиболѣе естественнымъ, такъ какъ русскіе приходы въ Западной Европѣ всегда входили въ составъ Петербургской митрополіи. Вмѣстѣ съ еп. Леонтиемъѣхали изъ Петербурга на освященіе: 1) архимандритъ Аввакумъ, бывшій начальникъ Пекинской Духовной миссіи, извѣстный синологъ, принявший дѣятельное участіе при за-

*) А. П. Заболоцкій - Десятovskij, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». СПБ. 1882, стр. 249.

ключеніі трактата съ Японіей и до-
говора съ Китаємъ, 2) протоіерей
Васілій Полисадовъ, настоятель Пе-
тербургскаго Петрошавловскаго со-
бора, бывшій настоятель Берлинской
Посольской церкви, 3) протодіаконъ
Ісаакіевскаго собора Конст. Обол-
енскій, 4) діаконъ Митрофаніевскаго
кладбища Алексій Флеровъ, 5)
иподіаконъ Новгородскаго митрополи-
та Алексій Колумбовъ и 6) хоръ мит-
рополичихъ лѣвчихъ подъ управле-
ніемъ Львовскаго. Для всѣхъ ду-
ховныхъ лицъ, которыя должны были
принять участіе въ освященіі, взяты
были, по Высочайшему повелѣнію,
изъ ризницы Исаакіевскаго собора
одинаковыя, блистательныя облаченія
изъ бѣлаго глазета, съ золотыми кре-
стами, шитыми оплечьями и узорча-
тыми каймами изъ алаго бархата.
Митра для преосв. Леонтія, освящан-
ная крупнымъ жемчугомъ и горбив-
шая множествомъ яхонтовъ, изумруд-
овъ и другихъ драгоценныхъ кам-
ней, была взята изъ Лаврской риз-
ницы.

Епископъ Леонтій и свита его, вы-
ѣхавши изъ Петербурга 22 авг., при-
были въ Парижъ 26-го, около 9 час.
вечера. «Огромное зарево на горизон-
тѣ отъ сотень тысячъ газовыхъ свѣ-
тильниковъ», пишетъ о. Полисадовъ*).
«возвѣстило намъ о нашемъ прибли-
женіи къ блистательной столицѣ Фран-
ціи. Разнообразныя чувства волновали
насъ. Его Преосвященство былъ со-
средоточенъ и молчаливъ»... «Нако-
нецъ, машина засвистѣла и стала
уменьшать ходъ. Владыка и всѣ мы
осѣнили себя крестнымъ намѣнemъ.
Парижъ, Парижъ, Парижъ! закри-
чали кондукторы, — и дверцы отво-

рились. На галлереѣ стоялъ о. Іосифъ
съ Парижскимъ причтомъ, священ-
никъ Ниццкій о. Дмитрій Василь-
евъ и священникъ Мадридскій о. Ко-
лоссовскій. Необозримая толпа фран-
цузовъ окружила Преосвященаго и ду-
ховныхъ, олагоговѣйно принимавшихъ
благословеніе архиастыря. За духо-
венствомъ принимали благословеніе
руssкіе, мужчины и дамы, во множест-
вѣ явившіеся встрѣтить дорогого пут-
ешественника. Встрѣча истинно-трога-
тельный!...» «Мыѣхали по велико-
лѣтній бульварной улицѣ, которая
тянется верстъ на шесть. Вся она гор-
ѣла тысячами газовыхъ огней. Для
глаза, не привыкшаго къ подобному
блеску, освѣщеніе это могло показать-
ся иллюминациею по слуху какого-
нибудь особаго торжества. Но это бы-
ло обыкновенное вечернее освѣщеніе
города Парижа»... «Карета поворотила
вправо, въ улицу Фобургъ Сантъ-
Онорѣ. Зная заранѣе всю эту мѣст-
ность, я жадно искалъ глазами нашей
новой, православной церкви и потому
смотрѣлъ вправо къ улицѣ Креста.
Минутъ черезъ 10 явились 5 куполовъ,
свѣтящіеся отраженіемъ на нихъ га-
зоваго освѣщенія. Средній куполь ос-
вѣщенъ былъ и изнутри. Сердце ис-
полнилось неизобразимыхъ чувствъ и
радости, иакой то возвышенной гордо-
сти при взглядѣ на нашу новую Пари-
жскую церковь. Карета останови-
лась у подъѣзда, одиннадцатью сту-
пенями ведущаго въ церковь. Между
тѣмъ постепенно подъѣзжали экипажи,
въ которыхъ размѣщена была свита.
На улицѣ у рѣшотки собралась густ-
ая толпа французовъ. Откуда они
взялись въ такой уединенной улицѣ и
въ такой поздній часъ вечера? Было
10 часовъ, когда Архиастырь, въ
сопровожденіи значительного числа
духовныхъ лицъ, вступилъ въ новую
Парижскую православную церковь.
Въ ней кипѣла спѣшиная работа, не

*.) Письма прот. В. П. Полисадова.
СПБ. 1861, стр. 15.

прекращавшаяся и по ночамъ». *).

Не смотря на поздний чась и на т. н. «мертвый сезонъ» (съ половины августа до половины сентября), когда Парижъ обычно пустѣеть, вся улица была полна народа, и это стеченіе зрителей продолжалось и увеличивалось и въ послѣдующіе дни, въ особенности, конечно, въ день освященія. И нельзя удивляться любопытству и восхищению французовъ. Если и въ настоящее время, 75 лѣтъ спустя послѣ освященія, русская церковь на рю Дарю привлекает и приводить въ восхищеніе многихъ иностранцевъ, — какое же сильное впечатлѣніе она должна была производить тогда своей оригинальной византійской архитектурой, своей художественной виѳиней и внутренней отдѣлкой, иконами, освященіемъ, — тогда, когда она была вся такая новенькая, чистая, сияющая своими золотыми куполами! Перажаль инославныхъ и необычный для нихъ видъ нашихъ духовныхъ лицъ, въ широкихъ рясахъ, съ длинными волосами и бородами, съ оригинальными головными уборами. Когда выходилъ еп. Леонтий, въ толѣ раздавались громкія восклицанія: се ларшевѣкъ, се ларшевѣкъ! Епископъ и прибывшее съ нимъ духовенство иомѣщены были въ двухъ домикахъ, устроенныхъ при церкви для причта, и на другой день послѣ прїѣзда представлялись Императ. послу графу П. А. Киселеву, который, принявъ архи-

*) Описывая свою поѣздку, о. Полисадовъ восклицаетъ: «Съ 15 вѣка путешествія іерарховъ восточныхъ на западъ и западныхъ на востокъ прекратились. И вотъ, въ половинѣ 19 вѣка является православный архіерей съ многочисленной свитой открыто на западъ. Нельзя не воскликнуть при этомъ: «Чудна дѣла Твоя, Господи! О, если бы это путешествіе было началомъ братскаго единенія во Христѣ Востока и Запада!» (Письма прот. В. П. Полисадова. СПБ. 1861, стр. 4).

пастырское благословеніе, благодарили Владыку за трудъ столь дальняго путешествія.

Торжество освященія храма, построенного во имя св. благов. вел. князя Александра Невскаго назначено было на день перенесенія мощей святого изъ Владимира въ Петербургъ, т. е. на 30 авг. (11 сент. по нов. стилю), которое въ 1861 г. приходилось въ среду. Вотъ какъ описывается это торжество очевидецъ и участникъ его, прот. В. Полисадовъ:*

...«Давно ожиданный день наступилъ, — день, сугубо для россіянъ праздничный. Прекрасное солнце взошло надъ Парижемъ на безоблачномъ небѣ и лучи его заблистали на позлащенныхъ куполахъ православнаго храма. Воздухъ былъ истинно-лѣтний. Въ 10 часовъ блестательные экипажи длинною вереницею потянулись по улицу Креста. Толпа пѣшешодовъ наполняла тротуары по обѣимъ сторонамъ. Городскіе сержанты охраняли порядокъ на улицѣ и при воротахъ церковныхъ. Для иностранцевъ роздано было 300 бил. на входъ въ церковь. Но неотступныя требованія мѣстъ возрастали съ каждымъ днемъ, а потому о. Іосифъ рѣшился раздать еще 100 билетовъ (русскіе и всѣ вообще православные допускались безусловно)**). Но что значили 400

*) Письма прот. В. П. Полисадова. стр. 26.

**) Графъ П. Д. Киселевъ въ своемъ дневникѣ пишетъ объ этомъ нѣсколько иначе: «На 300 пригласительныхъ билетовъ отозвались только 15 или 16 человѣкъ; это можно считать достаточнымъ уже предостереженіемъ». Но противорѣчія здѣсь нѣть: Посольство приглашало аристократовъ — католиковъ, въ то время весьма фанатично настроенныхъ, и когда многие изъ нихъ отказались, то освободившіеся билеты на расхватъ взяты были другими, не считавшими преступленіемъ быть въ православномъ храмѣ.

билетовъ для Парижа съ его огромнымъ населенiemъ, впечатлительнымъ и чрезвычайно любящимъ торжества, хотя бы они были и чуждыя для него. И вотъ, то огромное пространство противъ церкви, по другую сторону улицы Креста, на которомъ будетъ устроенъ бульваръ***), съ ранняго утра стало заполняться тѣми, кто не имѣлъ счастья обладать билетомъ. Къ 10 час. утра тамъ было до 6.000 народа...

Въ 10 час. все духовенство (въ числѣ 21), собравшееся въ церкви, отправилось въ предшествій пѣвчихъ, въ покой Владыки и торжественно ввелъ его въ церковь. Изъ духовенства, кромѣ лицъ, прибывшихъ изъ Петербурга, были: настоятель Парижской церкви, прот. Иосифъ Васильевъ; настоятель Штутгартской церкви, духовникъ вел. княгини Ольги Николаевны, прот. Ioаннъ Базаровъ; настоятель Висбаденской церкви, прот. Ioаннъ Янышевъ; настоятель Берлинской церкви, прот. Таасій Серединскій; настоятель Женевской церкви прот. Афанасій Петровъ; настоятель Мадридской церкви, свящ. Павелъ Коллесовский; настоятель Ниццкой церкви, свящ. Димитрій Васильевъ; второй священникъ Парижской церкви Василій Прилежаевъ; діаконъ Парижской церкви Николай Бѣлороссовъ; діаконъ Веймарской церкви Николай Оглоблинскій; кромѣ того — 4 псаломщика, 1 чиновщикъ и 1 орельщикъ (всѣ шестеро въ стихаряхъ). Въ то время, какъ облачили Владыку, вошли въ церковь: Императорскій Россійскій посолъ, графъ П. Д. Киселевъ въ сопровожденіи членовъ посольства, представитель Императора французовъ, министръ Двора, маршалъ Вальянъ, камергеръ Бачюкки, префектъ полиціи Буатель и прочія

офиціальная лица, — всѣ въ полной формѣ, и заняли мѣста у правой стороны алтарного возвышенія. Въ церкви было много католическихъ священниковъ, члены Французскаго Института, редакторы или корреспонденты всѣхъ наиболѣе известныхъ французскихъ и английскихъ журналовъ. Главный редакторъ «Журналь де Ст.-Петербургъ», корреспондентъ Брюссельскаго «Норъ» и Московскаго «Православнаго Обозрѣнія» получили разрѣшеніе присутствовать въ алтарѣ, какъ еще не освященномъ».

По освященіи св. престола, антиминса, жертвенника и внутренней стороны храма, начался крестный ходъ со св. мощами и иконами вокругъ храма. Минута торжественная! Надо было видѣть этотъ крестный ходъ предъ лицемъ чужого, иновѣрнаго народа, чтобы почувствовать и все величие его, и всю радость православныхъ! Между вѣрующими, которые, по собственному ихъ усердію, взялись нести хоругви и иконы, были: графъ Muравьевъ-Амурскій, бывшій губернаторъ Восточной Сибири, товарищъ ministра Внутреннихъ дѣлъ, членъ Государственного Совѣта И. Толстой, оберъ-гофмейстеръ Двора Его Величества Сабуровъ, бывшій директоръ департамента Иностранныхъ исповѣданій, тайн. сов. Скрипинъ, членъ Комитета о построеніи новой православной церкви въ Парижѣ Сушковъ, художникъ Е. Сорокинъ, кисти котораго Александро-Невская церковь обязана наилучшими своими картинами, и др... Когда епископъ, въ преднесеніи хоругвей и креста, появился на паперти, все множество любопытныхъ сняло шапки, воздавая тѣмъ почтеніе вѣроисповѣданію, которое нашло себѣ гостепріимный пріютъ во Франціи...

По окончаніи освященія церкви възглашено было многоглѣтіе Государю Императору, Государынѣ Импе-

***) Очевидно, домовъ предъ церковью въ то время еще не было.

ратрицѣ, Государю Цесаревичу и всему Царствующему Дому, затѣмъ — державнѣйшему обладателю страны сея, Императору Наполеону III, Святѣйшему Синоду, Высокопр. Митрополиту Новгородскому и, наконецъ, Препосв. Леонтию. Божественную литургію еп. Леонтий совершалъ при сослуженіи ему о. архимандрита Аввакума, 9 протоіереевъ и священниковъ, 3 діаконовъ и 2 иподіаконовъ. По окончаніи богослуженія Владыка обратился къ собравшимся со слѣдующимъ словомъ:

«Господь на мѣстѣ семъ. Ниѣть сie, но домъ Божій. (Быт., 28 16-17).

«Такъ сказалъ нѣкогда ветхозавѣтный патріархъ Іаковъ, когда на пути въ Харрань, вдали отъ своего отечества, на мѣстѣ отдохновенія, въ видѣніи узрѣлъ таинственную лѣстницу, соединяющую небо съ землею. Обнятый благоговѣйнымъ страхомъ и вмѣстѣ восторгомъ, онъ поставилъ тамъ столбъ изъ камня, служившаго ему возглавленіемъ, возлизъ на камень елей и нарекъ мѣсто домомъ Божіимъ: *ниѣть сie, но домъ Божій.*

И это мѣсто еще недавно было было обыкновенно мірскою собственностью; но съ тѣхъ поръ, какъ, по благословенію Святѣйшаго Синода, съ молитвою Церкви, положенъ первый камень въ основание сего храма, оно предосвящено въ мѣсто селенія Господа силъ. Теперь, по благодати освященія, это уже домъ Божій, храмъ святей, мѣсто благодатнаго присутствія Пресвятаго Троицы. Священнодѣйствие совершено, — и вѣруемъ. — молитвы Церкви, произносимыя нашими недостойными устами, услышаны Богомъ. Всеосвящающая, безкровная жертва здѣсь принесена и отныѣ будетъ приноситься всегда, во время благопотребно. И

ныиѣ молимъ Тя, Господи, да будуть очи Твои отверсты на храмъ сей день и нощь: и услыши молитву (З Царствъ, 8, 29-30) всѣхъ, притекающихъ сюда съ вѣрою!»

Слава и благодареніе во Святѣйшемъ Троицѣ покланяемому Богу, благопоспѣшившему соорудить православный храмъ сей въ славномъ градѣ семъ! Да благословить Господь, *всѧци рымъ благословенiemъ,* Благочестивѣшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора нашего Александра Николаевича, и своимъ благимъ изволеніемъ, и участіемъ содѣйствовавшаго устроенію сего прекраснаго дома Божія! Да благословить Господь Свою милостію и тебя, великоименитый представитель Монарха нашего, за твое сердечное и блаженное участіе въ семъ святомъ дѣлѣ! Благодареніе обладателю страны сея, Императору французовъ, благосклонно изъявившему христіансскую готовность на созиданіе православного храма въ странѣ своей! Благословеніе Божіе, съ благословеніемъ нашего архиастыря и моимъ смиреннымъ, да почтѣть сугубо на тебѣ, почтенный сослужитель нашъ, съ пастырскою ревностию и любовью, наче всѣхъ, потрудившійся въ устроеніи сего храма во славу Православной Церкви! Да пріосеняетъ милость Божія и всѣхъ участвовавшихъ своимъ приношеніями въ пользу храма!

Привѣтствуя васъ, чада Православной Церкви, съ настоящимъ духовнымъ торжествомъ. Утѣшительно думать, что храмъ сей для всѣхъ васъ составляетъ предметъ истинной радости. Въ возлюбленномъ нашемъ отечествѣ великолѣпные храмы не только въ столицахъ, но и въ обыкновенныхъ градахъ и весяхъ, не рѣдкость; тамъ есть, гдѣ сердцу русскому излить свои благоговѣйныя чувствованія предъ Господомъ, въ тѣхъ

религіозныхъ убѣжденіяхъ, какія, такъ сказать, всосаны нами съ млечкомъ матери, въ томъ духѣ, какой вѣтъ въ ученіи, постановленіяхъ и обрядахъ Православной Церкви. Здѣсь, вдали отъ отечества, для васъ, братія мои, одинъ православный храмъ. Какъ же не радоваться, что онъ не въ обыкновенномъ уже домѣ, а есть отдельный домъ Божій, куда каждый, во всякое время, можетъ притекать съ молитвою за утѣшениемъ вѣры въ духѣ Православія?

Это домъ Божій во славу Божію для васъ, чада Православной Церкви, для вашего назиданія, освященія, спасенія, для васъ, кои, хотя по обязанностямъ службы, по немощамъ тѣлеснымъ или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ обитаете въ Россіи, однако же съ членами ея составляете одно семейство по единству крови и вѣры. Итакъ, какъ члены единой Церкви, пребывайте вѣрными ей въ дому Божіемъ, и въ убѣженіяхъ, и въ дѣлахъ. Умоляю васъ словами Апостола: «*стойте въ вѣрѣ православной* (1 Кор., 16, 13), *твѣрди неотступни бывайте. Блюдитеся, да никтоже будетъ васъ прельщая философію и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу* (Колосс., 2, 8). *Въ наученія странна и различна не прилагайтесь* (Евр., 13, 9). Пламенѣйте любовью къ матери своей — Церкви, къ ея ученію и постановленіямъ, да имя Ея прославляется въ васъ и черезъ васъ въ странѣ сей.

Православные пастыри, здѣ предстоящіе! Соутѣшася общую вѣрою — вашею же и мою, — обратимся паки къ Господу съ молитвою. *Призри съ небесе, Боже, и вижди, и послыши виноградъ сей, люди Твоя, Свою благодатию и молитвенныемъ представительствомъ св. благов. вел.*

князя Александра Невскаго, во имя коего освященъ храмъ сей, — утверди ихъ въ вѣрѣ и благочестіи во славу святой Твоей Церкви и во спасеніе ихъ.

Благословеніе Господне да пребудеть на всѣхъ васъ, Того благодатію и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Церковныя торжества 30 августа окончились молебствіемъ св. Александру Невскому и многолѣтіемъ Государю Императору и всему царствующему Дому. Было 1 1/2 час. до 5 час. церковь оставалась открытою, и толпы любопытныхъ, жадно и нетерпѣливо ожидавшихъ у рѣшетки дозвolenія видѣть церковь, наводнили ее...

Въ 6 час. у графа П. Д. Киселева былъ обѣдненный столъ, къ которому приглашено было православное духовенство (16 челов.) и почтеннѣйшіе русские (30 челов.). Военная музыка была помѣщена въ саду, на террасѣ, и когда провозглашались тосты, оркестръ исполнялъ нашъ национальный гимнъ. Первый тостъ произнес сенья былъ г. посломъ за здоровье Государя Императора и Его Августейшей семьи, второй — за преосв. Леонтия, «не смотря на трудности дальніаго путешествія изволившаго прибыть и освятить нашу заграниценную православную церковь»; и за духовныхъ особъ, принявшихъ участіе въ освященіи храма; и третій — за о. Іосифа въ слѣдующихъ прибліз. выраженіяхъ: «Въ обязанность себѣ вмѣнило обратиться къ многочтимому пастырю нашему и въ дополненіе къ словамъ, произнесеннымъ преосв. епископомъ, сказать, что мысль о сооруженіи сей церкви принадлежитъ Вамъ, какъ и окончательное оной устройство. Съ душевнымъ чувствомъ признательности привѣт-

ствую и поздравляю Васъ съ полнымъ успѣхомъ, который сохранится въ памяти и сердцахъ нашихъ»... О. Іосифъ, со слезами на глазахъ, благодариль еп. Леонтия, графа и всѣхъ сотрудниковъ своихъ по построенію храма. Въ многочисленныхъ телеграммахъ и письмахъ, полученныхыхъ со всѣхъ сторонъ, русскіе православные люди выражали свою радость по поводу этого свѣтлого и важнаго для Православія и родины события...

Пресв. Леонтий служилъ въ новоосвященной имъ Парижской церкви еще два раза: въ пятницу 1/13 и въ воскресенье 3/15 сент. при большомъ стечениі народа разныхъ вѣроисповѣданій, а въ понедѣльникъ 4/16 оправился въ обратный путь въ Петербургъ черезъ Штутгартъ и Висбаденъ, гдѣ совершены были имъ архиерейскія богослуженія въ мѣстныхъ русскихъ храмахъ.

1 февраля 1863 г. прот. І. Васильевъ освящена нижня (подъ сводами храма) церковь во имя Св. Троицы. Рѣзной дубовый иконостасъ и таинства же перила предъ клиросами не-

пренесены въ нее изъ прежней посольской церкви, а равно нѣкоторыя иконы и часть церковной утвари. Храмовой праздникъ въ этой церкви — въ день Св. Духа.

27 октября 1862 года княгинѣ Бутера - Радоли дано было разрѣшеніе устроить въ принадлежащемъ ей домѣ въ Парижѣ домовую церковь. Прот. І. Васильеву предписано было освятить ее, а прот. Г. Серединскому (Берлинцу) — доставить прот. І. Васильеву для этой церкви освященный антиминсъ изъ принадлежавшей княгинѣ Бутера - Радоли закрытой домовой церкви въ Палермо. 1 июля 1863 года о. Іосифъ доносиль въ Петербургъ, что эта церковь еще не освящена; по всей вѣроятности, освященіе состоялось или въ концѣ 1863 г., или въ началѣ 1864 г., такъ какъ въ дневнике графа П. Д. Киселева подъ 1864 годомъ записано, что въ этомъ году графъ говѣлъ въ домовой церкви графини Бутера. 15 июля 1871 года преемникъ о. Іосифа, прот. В. Прилежаевъ доносиль, что церковь въ домѣ кн. Бутера-Радоли закрыта.

Протоіерей *H. Сахаровъ*.

СВЯТО ТРОИЦКІЙ АЛЕКСАНДРО - НЕВСКІЙ ХРАМЪ

(Окончаніе)

IV. Значеніе храма для Русской колонії.

Сооруженіе величественнаго храма въ Парижѣ положило начало новому періоду въ церковной жизни Русской колоніи Парижа и его окрестностей. Правда, Парижская церковь, какъ и всѣ наши церкви за границей, а равно и причты при нихъ продолжали счи-таться «посольскими», состоять подъ непосредственнымъ покровительствомъ и наблюдениемъ члочальниковъ Посольства и Миссій (837 статья Учрежденія Министерства, — Сводъ за-кановъ Росс. Имперіи, томъ 1, часть 2, книга 5). Подчиненное церархически Св. Синоду и С.-Петерб. Митрополи-ту, заграниценное духовенство по преж-нему находилось въ тѣсной связи и зависимости отъ заграничныхъ пред-ставителей Министерства Иностр. Дѣль: назначеніе и увольненіе, хотя и происходили въ силу указовъ Митрополита, но фактически почти всегда по иниціативѣ и ходатайству гг. посла-въ и посланниковъ. Опять управле-нія заграниценными церквами особымъ викарнымъ епископомъ, проживав-шимъ за границей (1908-1911 г.г.— епископъ Владіміръ Кронштадтскій) не измѣнило положенія дѣла. Черезъ то же Министерство Иностр. Дѣль ду-ховенство продолжало въ этотъ періодъ (до 1921 г.) получать и жало-ванье, и пенсію, и награды.

Но все же, со времени сооруженія храма, Парижская церковь теряетъ свой прежній характеръ «домовой церкви при Посольствѣ» и становится церковью Русской православной колоніи. Неудобство прежней церкви, занимавшей комнату въ домѣ 12 рю Берри, состояло не только въ томъ, что она была малопомѣстительна, но и въ томъ, что многіе не знали о ея

существованіи, а иѣкоторые стѣсня-лись посѣщать ее, считая ее церковью частной. Теперь русскіе православные люди имѣли свой отдѣльный прекрас-ный храмъ, въ созданіи которого они всѣ участновали своими лептами и ко-торый настолько обширенъ, что могъ вмѣстить почти всю тогдашнюю коло-нію. И вотъ храмъ становится ду-ховнымъ центромъ колоніи. Сюда не-сутъ русскіе люди на чужбинѣ свои радости и свое горе; здѣсь находять утѣшеніе и поддержку; здѣсь освя-щаются всѣ главнѣйшіе моменты ихъ частной жизни; сюда же собираются они для молитвы и въ выдающихся случаяхъ, — радостныхъ и печаль-ныхъ, — и общественной, и государ-ственной жизни. И, наконецъ, въ томъ же храмѣ, — единственномъ для Парижа и его окрестностей, — собира-ются для молитвы и православные другихъ національностей: румыны, греки, сербы, болгары, сирійцы...

Наиболѣе торжественнымъ и трога-тельный моментомъ въ исторіи хра-ма за этотъ періодъ было молебствіе по поводу чудесного избавленія Госу-даря Императора Александра II отъ злодѣйскаго покушенія на его жизнь. Изъ газетъ того времени и изъ част-ныхъ воспоминаній мы заимствуемъ слѣдующія подробности объ этомъ со-битіи. Въ 1867 г., т. е. шесть лѣтъ спустя послѣ освященія храма, на сооруженіе котораго Государь далъ первую и самую крупную ленту, Его Императ. Величество вмѣстѣ съ На-слѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ (будущимъ Императоромъ Александромъ III) и вел. кн. Владиміромъ Александрови-чемъ прибыль въ Парижъ на всемір-ную выставку. 25 мая (6 іюня), въ день Вознесенія Господня, Государь

молился на Божественной литургии въ Александро - Невскомъ храмѣ. Днемъ онъ былъ, вмѣстѣ съ Императоромъ французовъ Наполеономъ III, Императрицей Евгенией, Королемъ Пруссикимъ Вильгельмомъ I и сыномъ его, на большомъ парадѣ, произведенномъ въ честь иностранныхъ государей въ Булонскомъ лѣсу. На обратномъ пути, когда первая карета, въ которой сидѣли Императоръ Александръ II, Императоръ Наполеонъ III и вел. князья Александръ и Владимиръ, медленно проѣзжала мимо скалы большого водопада, при огромномъ стечениіи народа, среди неописуемаго энтузиазма, — изъ толпы выскочилъ молодой человѣкъ и произвелъ два выстрѣла по направленію кареты. Одинъ изъ штальмайстеровъ Императора, г. Рембо, замѣтивъ движеніе преступника, быстрымъ скачкомъ лошади загородилъ ему дорогу. Пуля прошла сквозь ноздри лошади, пролетѣла между сидѣвшими въ каретѣ и далѣе ранила одну даму, находившуюся въ первомъ ряду толпы, съ другой стороны кареты. Выстрѣлъ произведенъ былъ такъ близко, что кровь отъ раненой лошади попала на одежду Императора Всероссийскаго и Наслѣдника. Вторая пуля не вышла изъ дула пистолета, и онъ разорвался въ руки преступника. На другой день 26 мая (7 июня), въ Александро - Невскомъ храмѣ, переполненному молящимися, совершено было — въ самой торжественной обстановкѣ — молебствіе о благополучномъ избавленіи Государя отъ опасности. «Мы видѣли», пишетъ корреспондентъ: «колѣнопреклоненныхъ Императора французовъ Наполеона III и его супругу Императрицу Евгению, которая не скрывала слезъ своей священной радости»... «Мы видѣли 70-лѣтняго Короля Пруссаго, роднаго дядю нашего Государя: и эти три вла-

дыки, стоящіе во главѣ вселенной, братски съ любовью обнялись и цѣловались въ русскомъ храмѣ, торжественно благодаря Бога за спасеніе Русскаго Царя»...

Памятниками этого величественнаго событія остались три иконы, находящіяся въ храмѣ: 1) икона Вознесенія Господня (на восточной стѣнѣ съ правой стороны) съ надписью: «Усердное приношеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ Благочестившаго Государя Императора Александра Николаевича и супруги Его Благочестившей Государыни Императрицы Марии Александровны въ возблагодареніе Господа за святой Его Покровъ и Охраненіе въ день 25 мая 1867 г.». 2) Икона Вознесенія Господня (на восточной стѣнѣ съ лѣвой стороны) съ надписью: «25 мая 1867 года, въ Праздникъ Вознесенія Господня, Всеизвѣстій чудесно сохранилъ чудесную жизнь Государя Императора Александра Николаевича отъ угрожавшей ему опасности. На другой день, 26-го мая, Его Величество, окруженный множествомъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, въ присутствіи Ихъ Величествъ Императора и Императрицы французовъ и короля Пруссаго и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Александра Александровича и Владимира Александровича и Великія Княгини玛丽и Николаевны, торжественно приносилъ въ семь храмѣ благодарственное Господу Богу моленіе за свое спасеніе. Дляувѣковѣченія въ семь храмѣ памяти о сихъ событіяхъ сооружена сія икона церковнымъ старостою, Московскимъ почетнымъ гражданиномъ Митрофаномъ Сергеевичемъ Мазуринымъ». 3) Икона Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго (на жертвенникѣ, въ алтарѣ верхняго храма); на оборотѣ иконы

имѣется собственноручная надпись Императора Александра Николаевича: «Въ память чудеснаго моего спасенія 25 мая (6 июня) 1867 г. Александръ».

Императрица Евгения еще раньше, въ концѣ 1861 г., посыпала нашъ храмъ. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ прот. И. Васильевъ въ письмѣ къ г. оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому: «Пятаго декабря посыпала нашу церковь Императрица Евгения; это было въ четвертомъ часу пополудни. Оставшись въ церкви двадцать минутъ, Ея Величество осмотрѣла ону до подробностей и нѣсколько разъ высказала свое одобрение и восхищеніе. Для меня пріятнѣе всего было слышать отзывъ ея о благочестивомъ и молитвенномъ впечатлѣніи, какое производить новосозданный храмъ. По вызову Императрицы Евгении я объяснилъ ей различія между Православно-Кафолическою и Римскою Церквами. О папѣ она не сдѣлала никакого замѣченія; о происхожденіи Св. Духа сказала, что не понимаетъ тонкостей богословскихъ; о причащеніи подъ двумя видами замѣтила, что такъ было въ древней Церкви; о чистилищѣ сдѣлала сужденіе, что мы согласны въ главномъ, въ молитвахъ за усопшихъ. Выходя изъ церкви, Императрица перекрестилась и сдѣлала латинскій поклонъ, называемый «реверансъ»... (Парижская письма прот. И. В. Васильева, стр. 252-253).

Въ 1883 г. въ Александро-Невскомъ храмѣ было совершено отпѣваніе тѣла И. С. Тургенева. Тургеневъ скончался въ Буживалѣ, близъ Парижа, 22 авг. (3 сент.), въ два часа пополудни, послѣ продолжительныхъ и крайне мучительныхъ страданій. Вскрытие тѣла обнаружило, что онъ страдалъ ракомъ спинного хребта, со-

вершенно разрушившаго три позвонка. Панихида на квартире служилъ о. Д. Васильевъ. Черезъ два дня послѣ смерти тѣло перевезено было въ Парижъ и поставлено въ церкви, гдѣ 26 авг. (ст. ст.) произошло отпѣваніе, на которомъ присутствовала, можно сказать, вся русская колонія и много иностранцевъ. Была Императорскій послы, князь Н. А. Орловъ, члены посольства, литераторы, художники, учащаяся въ Парижѣ русская молодежь... Поистинѣ единими устами и единѣмъ сердцемъ возносилась искренняя, глубокая молитва съ почившемъ великому писателю, одинаково славномъ и на родинѣ, и на чужбинѣ. «Кончились великия, длившіяся безконечно страданія всеобщаго любимца», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ присутствовавшій на службѣ г. М. С.: «и съ той же минуты началось такое же безконечное горе для тѣхъ, которые пережили эту драгоценную, исполненную добра и славы жизнь. Жить и помнить Тургенева — для всѣхъ сдѣлалось теперь одно и то же...». 7 (19) сент. тѣло Тургенева отправлено было изъ Парижа въ Петербургъ, гдѣ и погребено 15 (27) сент. на Волковомъ кладбищѣ.

7 (19) ноября 1894 г., по случаю погребенія тѣла Императора Александра III, въ Александро-Невскомъ храмѣ была отслужена панихида въ присутствіи членовъ Императорскаго посольства, папскаго нунція, дипломатическаго корпуса, представителей Сената и Палаты депутатовъ, генераловъ, адмираловъ и представителей высшихъ государственныхъ учрежденій. Къ началу панихиды прибыль г. Президентъ Казимиръ Перье. Поставленая у Тріумфальной арки батарея салютовала 101 выстрѣль. Вся церковь была обтянута трауромъ. Во время богослуженія многіе магазины

были закрыты; на нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены надписи: «закрыть по случаю національного траура». Во многихъ окнахъ — русскіе и французскіе флаги, окаймленные трауромъ.

Въ этомъ же храмѣ русская колонія встрѣчала молитвою и всѣ государственные и общественные события въ жизни Россіи (восшествіе на престолъ Государя Императора, рожденіе и тезоименитство членовъ Царской семьи, коронація и пр.), причемъ на богослуженіяхъ присутствовали обычно г. Президентъ республики или его представитель и представители Кабинета министровъ и высшаго государственного, военнаго и муниципального управления. Радостно отзывался храмъ и на такія события, какъ посвященія Парижа Высочайшими особами, какъ напр. Императоромъ Николаемъ II и Императрицей Александровной въ 1896 г., а также Великими Князьями въ 1903 г. Послѣднее событие ознаменовалось покртвованіемъ въ церковь Смоленской иконы Божией Матери съ четырьмя иконами - медальонами: св. равноап. вел. кн. Владимира, свят. Алексія, митропол. Московского, преп. Сергія Радонежскаго и апостола Павла, съ надписью: «Украшень иждивенiemъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владимира Александровича, Алексія Александровича, Сергія Александровича и Павла Александровича 20-го мая 1903 г.» (Икона стоитъ въ алтарѣ на высокой подставкѣ).

V. Миссионерское значеніе храма.

Значеніе Александро - Невскаго храма не ограничивалось только объединеніемъ русской колоніи и выполнениемъ ея духовныхъ нуждъ; онъ несомнѣнно имѣлъ также значеніе и миссионерское, въ смыслѣ сзнакомленія инославныхъ и иновѣрныхъ съ на-

шею Церковью. «Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажегши свѣчу, не ставить ее подъ ссудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтить всѣмъ въ домѣ». (Матф., 5, 14-15). Иностранны, — въ томъ числѣ и французы, — и теперь еще мало знакомы съ Православіемъ. Но въ то время, три четверти вѣка тому назадъ, за границей ходили о нашей религіи самые странные и нелѣпые слухи. Нерѣдко приходилось русскимъ выслушивать такие вопросы: «почитаете ли вы Божію Матерь, есть ли у васъ храмы, посѣщаете ли вы ихъ, причащаетесь ли вы?» и т. д. Но вотъ въ лучшей части Парижа вилось грандіозный храмъ, где совершаются торжественные богослуженія при множествѣ молящихся, при стройномъ пѣніи хора, съ трогательными древними обрядами, — храмъ, доступный всѣмъ и каждому. Такой храмъ, сооруженный на частная по жертвованія, могъ принадлежать только истинно - христіанскому народу. Храмъ, поистинѣ, какъ свѣча, «свѣтиль всѣмъ». Иновѣрцы и инославные стали проявлять все болѣе и болѣе интереса къ Православію, и въ Метрической книгѣ Александро - Невской церкви появляется болѣе и болѣе случаевъ «присоединенія», хотя русскихъ священниковъ нельзя упомянуть въ пропагандѣ религіозной.

Приводимъ два авторитетныхъ свидѣтельства о томъ, какое сильное и благотворительное впечатлѣніе произвѣлъ храмъ на иностранцевъ.

Графъ де Полляпорхъ, присутствовавший при освященіи Парижской церкви, пишетъ: ...«Папизмъ съ презрѣніемъ отзывался о Русской Церкви; онъ зналъ, что невѣжество на счетъ всего, что только касается Россіи, лучшая для него ограда противъ свѣта истины. Но вотъ, послѣ нѣсколь-

кихъ вѣковъ затменія, въ Парижѣ отстроенъ и освященъ первый величественный православный храмъ. Это чрезвычайное событие встревожило всю ультрамонтанскую партию. Иезуиты, смотрѣвшіе съ негодованіемъ на воздвигаемое зданіе, ревниво слѣдили за всѣмъ, что о. Васильевъ, Парижскій протоіерей, молча и безъ шума, совершалъ къ назиданію сколько русскихъ, обитающихъ въ Парижѣ, столько и французскихъ православныхъ. Наконецъ іезуитамъ пришло увидѣть, какое необыкновенное впечатлѣніе произвело на Парижское народонаселеніе пребываніе преосвящ. Леонтия, его священнослуженія, его благородное, достойное и христіанско - добродушное обращеніе со всѣми и съ каждымъ, самое торжество освященія Дома Божія, торжественно совершенная по архіерейскому чину литургія. Съ любопытствомъ въ первый разъ, съ чувствомъ почтенія и благоговѣнія въ послѣдующіе дни, парижане прослѣдили за всѣми дѣйствіями православнаго архипастыря и достойнаго, образованнаго духовенства, окружавшаго его отъ перваго дня его прибытія въ Парижъ до самаго отѣзда. Благодареніе Богу! Русская Церковь нашла доступъ къ сердцу нѣсколькихъ тысячъ людей, не принадлежащихъ къ ея нѣдрямъ... Толпа, въ которой были перемѣшаны всевозможныя сословія общества, единодушно объявила, что богослуженіе Русской церкви поражало ихъ отпечаткомъ древности и апостольского характера. При совершеніи богослуженія были и нѣкоторые высокіе сановники французского духовенства, скрывшіе свой санъ подъ мірскою одеждью. Епископъ Перигесский, пзвѣстный въ ученомъ мірѣ археологъ, прямо объявилъ своимъ приближеннымъ, что богослуженіе Русской

Церкви сохранило въ точности всѣ обряды, установленные въ первые вѣка христіанства. Самое облаченіе, говорилъ онъ, въ которомъ священнодѣйствовалъ епископъ Леонтий, — то же, въ какое облачались великие іерархи, устроившіе весь чинъ церковный....

... Пріобщеніе дѣтей чрезвычайно всѣхъ удивило и обрадовало. Многіе отзывались, что Православная Церковь съ истинно - материнскою любовью пріобщаетъ Христу и малолѣтнихъ дѣтей. Одна старушка католичка, узнавъ при этомъ, что у насъ причащаются всѣ и Тѣла, и Крови Христовой, сказала: «Господи! Хоть бы предъ смертью угодиться мнѣ пріобщиться Крови Христовой!».. («Православное Обозрѣніе», 1861, сѣнт., Замѣтки, стр. 141-146).

Аббать Гетте, впослѣдствіи присоединившійся — «въ сущемъ санѣ» — къ Православной Церкви, также присутствовавшій при освященіи, пишетъ: ..«Видя, съ какимъ достоинствомъ и набожностью священнодѣйствовалъ преосв. Леонтий, совершая тѣ самые обряды, какіе совершалъ св. Василій Великій и св. Іоаннъ Златоустъ, видя его облеченніемъ въ одѣянія, подобныя тѣмъ, которыя носили великие устроители обряда Восточной Церкви, мы ощущали глубокое волненіе. Въ продолженіи всей церемоніи слышалось иѣніе степенное и величественное и полные гармоніи речитативы. Инструментовъ тутъ не было никакихъ; но, что гораздо лучше, были тутъ мелодическіе голоса, которые понимали и дѣлали понятнымъ все, что эти пѣснопѣнія и эти молитвы содержать въ себѣ возвышенного и спасительного.. Всѣ, — и католики, и протестанты, — казались живо тронутыми величиемъ восточнаго обряда, его древнимъ характеромъ, который под-

разжаетъ тогасъ же и вселяетъ благоговѣніе. Чувствовалось, что это есть, дѣйствительно, первоначальное богослуженіе, богослуженіе апостольскихъ мужей, и рождалось невольное расположеніе любить и чтити Церковь, которая съ такимъ уваженіемъ сохранила его. И вотъ сколько предразсудковъ пао въ умахъ римскихъ католиковъ, присутствовавшихъ при богослуженіяхъ Русской Церкви! Ихъ пріучили смотрѣть на Восточную Церковь, какъ на схизматическую и еретическую. Благодаря религіозному невѣжеству, которымъ сопровождаются эти предразсудки, во Франціи вообще воображали, что восточные не содержать ни одного изъ вѣрованій Римской Церкви и что только эта послѣдняя Церковь обладаетъ истинною вѣрою и подлиннымъ христіанскимъ богоопочтеніемъ. Каково же было ихъ изумленіе, когда они увидѣли церковь, укрытую иконами Иисуса Христа и Пресвятой Дѣвы, когда увидѣли таинство Евхаристіи, совершающее съ такимъ благоговѣніемъ и великолѣпіемъ, увидѣли епископа и досточтимыхъ священниковъ, священодѣйствовавшихъ съ такою вѣрою и достоинствомъ! Мы слышали изъ уст величаго множества римскихъ католиковъ разсужденія, свидѣтельствовавшія, что въ умахъ ихъ исчезли многочисленныя предубѣжденія. Они спрашивали: почему Римская Церковь анафематствовала столь хорошихъ христіанъ, имѣющихъ ту же вѣру и обряды столь низидательные? И когда имъ отвѣчали, что главная, а, можетъ быть, и единственная причина сего состояла въ сопротивленіи Восточной Церкви злоупотребленіямъ папскаго деспотизма,—они давали отвѣты такие, изъ которыхъ видно было ихъ совершенное и безусловное одобрение этого сопротивленія... Протестанты, не пока-

зываю такихъ наружныхъ знаковъ поченія, какъ католики, однако же, не скрывали, что тутъ есть что то первоначальное, простое и вмѣстѣ величественное, какъ и все, что относится къ первымъ вѣкамъ Церкви. Они спрашивали объясненіе обрядовъ, которые дѣйствовали съ особеною силою и, когда епископъ исходилъ изъ святилища для благословенія предстоящихъ крестомъ и свѣтильниками, символами искупленія и свѣта, распространеннаго Евангеліемъ во вселенной,—они преклонялись съ благоговѣніемъ»...

VII. Причтъ Александро - Невскаго храма.

Начиная приблиз. съ половины 19-го столѣтія, Русская православная колонія въ Парижѣ и въ окрестностяхъ быстро растетъ, и прежний составъ причта становится недостаточенъ. Въ 1846 г., какъ мы видѣли, въ помощь прот. Д. Вершинскому назначенъ былъ о. И. Васильевъ, но, очевидно, не въ качествѣ штатнаго второго священника: когда о. Васильевъ въ 1849 г. утвержденъ былъ «старшимъ» священникомъ, то второго священника при немъ не было до 1854 г. Точно также и діаконъ В. Судакевичъ, назначенный въ 1847 году и въ томъ же году оставившій свое мѣсто, до 1852 г. не имѣлъ себѣ преемника; и когда назначенный къ 1852 г. діакономъ А. Петровъ рукоположенъ былъ въ 1854 г. во священника, то опять до 1857 г. мѣсто діакона остается не занятымъ. Только съ этого 1857 г., повидимому, въ виду окончательнаго рѣшенія построить храмъ, устанавливается постоянный составъ причта: настоятель, второй священникъ, діаконъ и три пѣвчихъ, (впослѣдствіи переименованы въ псаломщиковъ). Одновременно съ заботами объ установлѣніи

штата духовенства идуть заботы и о материальном обезпечении его. Въ этомъ отношении надо отдать справедливость нашимъ дипломатическимъ представителямъ на чужбинѣ, что они, принимая близко къ сердцу интересы церкви и причта, не уставали ходатайствовать о томъ, чтобы въ достаточной мѣрѣ осуществлялись все нужды церкви и церковныхъ домовъ и чтобы духовенство могло жить безбѣдно и прилично. Во избѣжаніе возможныхъ потерь отъ колебанія курса, жалованье духовенству выплачивалось золотыми рублями. Въ 1846 г. старший священникъ получалъ 1905 рублей въ годъ, второй священникъ 1524, діаконъ 1000 и три пѣвчихъ по 762. Въ 1876 г., въ виду, очевидно, вздорожанія жизни, жалованье соотвѣтственно увеличивается: 4000, 3000, 2000 и 1200 р., а въ 1899 г. видимъ уже слѣдующія цифры: 6000, 4500, 3000 и 1800 р. Кромѣ того, за продолжительную и усердную службу выдавалась денежная награда въ видѣ прибавки къ жалованью; такъ напр., прот. В. Прилежаевъ съ 1883 г. получалъ, независимо отъ жалованья, 1500 р., прот. Д. Васильевъ съ 1888 г. — 1000 р., прот. И. Смирновъ съ 1904 г. — 1000 р. И, наконецъ, члены причта, выходившіе за штать, а равно вдовы и сироты получали пенсіи; такъ напр., прот. Д. Васильевъ въ 1898 г. получилъ 3000 р., псаломщикъ Копорскій въ 1873 г. — 300 р., вдова псаломщицъ Устюжского въ 1878 г. — 300 р. и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наши дипломатические представители забочались и о возвышеніи общественнаго положенія членовъ причта, приглашали ихъ къ себѣ въ торжественныхъ случаяхъ, знакомили ихъ съ мѣстнымъ высшимъ обществомъ и вообще

оказывали всевозможную поддержку и содѣйствіе.

Возможность ознакомленія съ границей, практически изучить иностранный языкъ, использовать богатыя книгохранилища для научной работы, а равно сравнительно - обезпеченнное материальное положеніе заграницаго духовенства — привлекало за границу и въ томъ числѣ въ Парижъ въ составъ причта лучшія богословскія силы. Въ Парижѣ, какъ и въ другихъ крупныхъ городахъ заграницы, мы видимъ за рассматриваемый періодъ при русскихъ посельскихъ церквяхъ много священно- и церковно - служителей съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Лучшіе студенты Духовныхъ академій,магистранты и даже магистры богословія охотно поступали даже на псаломщицкія мѣста за границей и потому, не большинствѣ случаевъ, принимали саненство. Не удивительно, поэтому, что этотъ періодъ далъ цѣлый рядъ выдающихся заграницы русскихъ пастырей, составлявшихъ славу Русской Церкви наряду съ выдающимися церковными дѣятелями въ самой Россіи. Къ великому сожалѣнію, у нашего заграницаго духовенства не было вовсе никакого объединяющаго центра, никакого общаго плана дѣятельности, никакого общаго руководства. Каждый священникъ со своими сослуживцами и сотрудниками дѣйствовалъ совершенно особнякомъ, — такъ, какъ ему представлялось лучше, и результаты, поэтому, получались неизбѣжно благопріятные, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе данныхыя возможности.

Но, съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что ни среди духовенства, ни вообще въ церковной жизни за рассматриваемый періодъ не было и не могло быть тѣхъ печаль-

ныхъ явленій, которыя появились въ первіодѣ эмиграціи.

Кромѣ чисто пастырской дѣятельности, — совершенія богослуженій, преподанія таинствъ, проповѣдничества, посвѣщенія больныхъ и пр., — Парижъ предоставлялъ русскому священнослужителю и отчасти и церковно-служителю широкій просторъ и для дѣятельности просвѣтительной, благотворительной и миссионерской. И не мало было сдѣлано во всѣхъ этихъ областяхъ. Правда, при церкви не было постоянной школы въ родѣ позднѣе появившихся церковно-приходскихъ школъ, не было, повидимому, и публичныхъ собесѣдований на религіозныя и церковныя темы. Но это объясняется, можетъ быть, отчасти духомъ времени и сословнымъ характеромъ колоніи: школы и публичные собесѣдованія всецѣло замѣщались частными уроками и бесѣдами: едвали бытъ въ то время хотя одинъ священнослужитель, а, можетъ быть, и церковнослужитель, у которого не было бы учениковъ и ученицъ, проходившихъ съ нимъ уроки по Закону Божию и по национальнымъ предметамъ. Прот. Г. Васильевъ, напр., пишетъ оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому отъ 3 (15) марта 1859 г., что у него на рукахъ было для наставленія въ Законѣ Божиѣмъ, а обѣ о. діаконѣ В. Прилежаевѣ прибавляетъ, что тотъ не находить довольно времени, чтобы удовлетворить всѣмъ притгашеніямъ по сему предмету («Парижскія письма», стр. 190). То же самое можно сказать и о преемникахъ о. Іосифа.

Помощь нуждающимся соотечественникамъ всегда производилась при Парижской церкви и особенно усилилась со временемъ сооруженія храма. Но и здѣсь мы не видимъ специальной и постоянной организаціи. Добрые

люди давали свои лепты о. настоятелю или другимъ членамъ причта, а тѣ раздавали пособія, — нерѣдко довольно значительныя, — тѣмъ, кто обращался съ просьбой. Несравненно шире и планомѣрнѣе дѣйствовало основанное въ 1891 г. при Импер. посольствѣ по инициативѣ супруги бывшаго послана, баронессы Л. Н. Моренгеймъ, «Благотворительное русское общество», связь котораго съ церковью состояла въ томъ, что одинъ изъ священниковъ обычно состоялъ членомъ Комитета общества. Общество владѣло весьма крупными средствами, благодаря дѣятельному покровительству Импер. пословъ и ихъ супругъ, и продолжало свою дѣятельность до 1917 г.

Позднѣе, когда учрежденіе было приходъ, избраны были изъ состава Приходского Совета 4 члена подъ предсѣдательствомъ священника, которые составили Благотворительную Комиссію, взявшую на себя заботу о помощи нуждающимся. Когда создалось при церкви Сестричество, то и оно выдѣлило изъ своей среды нѣсколько сестеръ для дѣятельности благотворительной. И эти двѣ организаціи все время работаютъ совмѣстно и дружно, выдавая посильную денежную и вещевую помощь, уплачивая за обѣды и ночлеги, за право ученія въ школахъ, за похороны бѣдныхъ и пр.

Русскія заграничныя церкви являются, естественно, передовыми постами Православія противъ нападковъ инославія и иновѣрія, и, конечно, каждому члену причта и особенно настоятелямъ приходилось выдерживать эти нападки, отражать ихъ, а иногда и самимъ переходить въ нападеніе. На долю нашего Парижскаго духовенства выпала борьба, главнымъ образомъ, съ воинствующимъ католичествомъ, которое до 1906 г. пользовалось во Франціи широкими правами, вліяні-

емъ и могуществомъ. Немало отторгло сю напихъ сопечтвеннниковъ отъ родной Церкви, но немало было и обратныхъ случаевъ просвѣщенія заблуждавшихся. Борьба велась и словесъ, и перомъ. Къ сожалѣнію, кромѣ замѣтокъ въ Метрическихъ кни-гахъ о присоединеніяхъ, у насъ нѣть подъ руками ни изслѣдованій, ни днев-никовъ, ни переписки, чтобы судить о подробностяхъ этого состязанія, если не считать тѣхъ же «Парижскихъ писемъ», изъ которыхъ мы уже много заимствовали обѣ исторіи Парижской церкви и въ которыхъ помѣщаются съѣдѣнія и о миссіонерской работе прп. И. Васильева. Цѣннѣйшимъ приобрѣтеніемъ для Православія въ его время было, несомнѣнно, обращеніе въ Православіе аббата Гетте, который въ цѣломъ рядѣ крупныхъ ученыхъ трудовъ и въ издававшемся имъ съ г. Сушковымъ, при дѣятельномъ участіи о. Васильева, журналѣ «Л-Юніонъ Крестьянъ» храбро вскрывалъ недостатки папизма и особенно іезуїтства и доказывалъ высокія преимущества Православія. Журналъ просуществовалъ только 5 лѣтъ, но оставилъ послѣ себя крупный слѣдъ въ исторіи и апологетикѣ. За 20 лѣтъ пребыванія своего за границей о. Васильевъ осно-вательно и всесторонне изучилъ католичество и пришелъ къ тому заключенію, что, пока во главѣ этого вѣро-исповѣданія стоитъ такъ наз. ультра-монтанская партія, руководимая іезу-

итами, не можетъ быть и рѣчи о ка-комъ либо сближеніи его съ Правосла-віемъ. Поэтому всѣ усиля его и въ бесѣдахъ, и въ печати направлены были къ тому, чтобы укрѣпить пра-вославныхъ отъ уклоненія въ папизмъ и, съ другой стороны, чтобы распрос-странить среди католиковъ истинныя понятія о Православіи. — Другою заслугой о. Васильева было озна-комленіе съ англиканствомъ, — правда, случайное и кратковременное. По спе-циальному желанію Государыни Им-ператрицы Маріи Александровны онъ бѣдилъ въ Лондонъ для переговоровъ съ англійскими богословами о сбли-женіи англиканства съ Православіемъ. Донесеніе его Императрицѣ по пово-ду этой поѣздки заключаетъ въ се-бѣ довольно пессимистические выво-ды. Стремленіе къ сближенію значи-тельной части Англиканской церкви съ Православіемъ, по его мнѣнію, дѣйствительно, существуетъ, но выра-жается въ желаніи исключительно практическаго единенія въ молитвахъ и таинствахъ безъ предварительного полагаго соглашенія въ учениіи вѣры, — что для Православія, конечно, не приемлемо. Чтобы англикане приня-ли все наше ученіе вѣры, — а безъ этого для насъ невозможно никакое соединеніе, — до этого еще очень долго, и нужно еще очень много по-работать той и другой сторонѣ въ дѣ-лѣ взаимнаго ознакомленія.

Протоіерей *H. Сахаровъ*.